

Сергей Ежов

СОДЕРЖИТ

НЕЦЕНЗУРНУЮ

БРАНЬ

18+

Солнечный зайчик
Шанс для второй половинки

Сергей Юрьевич Ежов

Солнечный зайчик. Шанс для второй половинки

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=65059306

SelfPub; 2021

ISBN 978-5-532-96812-7

Аннотация

Сознание престарелой женщины из 2020 года попадает в тело юноши в 1970 году. По стечению обстоятельств планы построения собственной тихой жизни нарушены, и герой становится тайным информатором могучей группы большевиков-сталинцев. Выражаю особую благодарность Але Куреповой, чьи замечания и советы помогли мне доработать это произведение.

Содержит нецензурную брань.

Содержание

Обоянь1 , 22.35. 17.01.2020 года, пятница.	5
ПГТ Троебратский2 , 11.50 14.07.1970 года, вторник.	7
ПГТ Троебратский, 8 часов утра.	25
Час спустя	34
ПГТ Троебратский, 8 утра.	51
ПГТ Троебратский, 7.40 утра	61
Три дня спустя. ПГТ Троебратский, 6.50 утра	74
ПГТ Троебратский, 11.50 20.08.1970 года, четверг.	79
ПГТ Троебратский, 15.50 29.08.1970 года, суббота.	122
ПГТ Троебратский, 09.00. 01.09.1970 года, вторник.	135
ПГТ Троебратский, 11.35. 06.09.1970 года, воскресенье.	157
Пос. Ленинский, 14.00. 07.11.1970 года, суббота.	166
Конец ознакомительного фрагмента.	179

Сергей Ежов
Солнечный зайчик. Шанс
для второй половинки

*Посвящаю моей жене,
моей второй половинке.*

Обоянь¹, 22.35.

17.01.2020 года, пятница.

Умирать нехорошо. Неприятно. Дело даже не в боли и самых разнообразных неприятных ощущениях – они довольно давно уже перешли в оупение и онемение, а там и в полную нечувствительность. Дело в тех, кого ты оставляешь здесь, уходя за грань. Кстати, грань чего? Вот ты была, а вот тебя и нет, и больше никогда уже не будет. А каково будет Бобрику? Ладно, телом займутся те, кому положено: похоронной компании уже отправлены деньги. Впрочем, что будет с телом уже неинтересно, гораздо любопытнее, куда попадёт сознание. Интересно, сбудется ли предсказание институтской подруги, сделанное почти полвека назад? Тогда Надюша Цыганова, в абсолютно пьяном состоянии, решила погадать Елене Ивановне, тогда просто Леночке, и наговорила совершенно невероятные вещи. Дескать, очередная смерть окажется вовсе не смертью, а щелочкой в другую жизнь, правда с условием: смерть должна быть самой, что ни на есть естественной. Наутро Надюша начисто отрицала сам факт гадания, правда позже, под большим секретом объяснила, что да, случается, прорезается у неё что-то вроде дара предвидения, но при этом она совершенно не помнит, что и кому она пророчила,

---

¹ Обоянь – город, районный центр в Курской области

однако твёрдо знает, что всё сбудется в точности, но с одним условием: болтать об этом нельзя. Иначе можно плохо кончить, и даже были прецеденты.

И всё-таки, что будет с Бобриком потом? Мужчина он ещё крепкий, не лентяй и не неряха, так что и сам не опустится, и дом сохранит. Может ещё найдёт себе добрую женщину? Может быть. Хотя вряд ли. Впрочем, это его дело, а у неё теперь дел больше не осталось.

Елена Ивановна Боброва утомлённо прикрыла глаза. Сердце её, последний раз дрогнув, замерло. Через мгновение остановилось и дыхание.

ПГТ Троебратский², 11.50

14.07.1970 года, вторник.

Сначала появились звуки. Совершенно непонятные – то глухие удары, то какое-то хлюпанье, то звонкое бряканье. Потом появилось изображение – что-то непонятное перед глазами, облака какой-то мути. Быстро пришлось зажмуриться: муть полезла в глаза, стало неприятно. Потом появились тактильные ощущения: тело омывала довольно тёплая вода, и руки почувствовали что-то скользкое. А вот и голова что-то почувствовала, чёрт, да больно-то так! Какой-то садист ухватил причёску и потащил... куда-то туда. Мне пришлось, цепляясь за скользкое, двигаться следом. Глаза снова открылись и увидели мутно-зеркальную поверхность воды, приближающуюся к лицу. Миг, и появилось солнце, зелень, а ближе – рука, тянущая (и больно!) за волосы голову, тело и конечности. Интересно, чью голову, чьи конечности? «Явно ведь не мои! – подумала я – Моё тело огромное, рыхлое и насквозь больное. А это, которое за волосы тащат (или тащит?), может быть тоже больное, но раза в три-четыре меньше!» Несмотря на панику, сознание чётко фиксировало про-

---

² Троебратский – посёлок городского типа, расположен в Ленинском (ныне Узункольском) районе Кустанайской области. В посёлке имеется железнодорожная станция Пресногорьковская.

исходящее, причём наблюдая всё со стороны. Или изнутри – глаза этого тела воспринимались как амбразура, в которую выглядывало наружу моё настоящее «Я». А собственно, кто такая я? Я, это Боброва Елена Ивановна. Тут из-за очередного рывка руки потеряли контакт со скользким, похоже, что с глиной, и «не моё» тело перевернулось кверху брюхом, как снулая рыба. Загорелое тело – вон, руки показались, покрытые плотным загаром. Стало видно больше подробностей. Живот плоский, грудь выпуклая, и какая-то непонятная. Не такая, какой должна быть. Неправильная!

– Элп! – судорожный вздох почему-то наполнил лёгкие не воздухом, а мутной водой. Я судорожно задргала ногами, замахала руками и с отчётливым ужасом почувствовала, что если бы не помощь, то я бы опустилась бы на дно, не в силах выплыть.

«Смотрим что там за руки, что таскают не моё тело: рука отрастает из худощавого девичьего тела, а вот лицо у этой девочки смутно знакомо».

– Алым! Блым! Хрыбгд!

Девочка оглянулась и радостно закричала:

– Юрка, ты живой! Вставай на ноги, здесь уже не глубоко!

– Брххыб! Кха-кхе!

Я честно попыталась помочь неизвестной девочке, и кажется, даже что-то удалось. Сил у меня не было вовсе, грудь раздирала невыносимая боль, руки-ноги совершенно не слушались. А девочка тем временем, вытащила на отмель и лов-

ко уронила меня животом себе на колено, и стала постукивать по спине кулачком. В горле заклокотало, и на глинистый берег хлынула вода.

«Мдя – отстранённо подумала я – умирать нехорошо, а воскресать и вовсе несладко». Сознание всё больше мутилось, но вдруг острая боль, смешанная с ещё более острым наслаждением, сотрясла её тело – это был первый вздох. Потом меня корчила рвота. Желудок давно был пуст, но спазмы всё не прекращались. Девочка сидела рядом, сочувственно гладила по голове и что-то говорила, но слышно не было – уши забиты водой.

Встала, и, пошатываясь, двинулась по берегу, осматривая не своё, неправильное тело, постепенно выступающее из воды. Руки: загорелые, мускулистые, с жёсткими мозолями на ладонях. Кошмар! Таких мозолей у меня отродясь не было. Безобразно торчат бицепсы. Грудь какая-то неправильная, впрочем, об этом уже было. Живот в отвратительных «кубиках». Талия тонкая, и это хорошо. Ниже – непонятно, поскольку скрыто линиялыми когда-то синими, семейными трусами. Ниже трусов открылись ноги. Тоже неправильные: слишком мускулистые... Это тело культуристки, или как их там нынче? бодибилдерши? Ступни правильные – изящные, примерно тридцать шестого размера.

– Я сейчас, – пискнула девочка – только купальник выжму!

«Могла бы и тут выжиматься, а впрочем, у каждого свои

тараканы, пойду и я за кусты, выжму свои кошмарные трусы. Кстати, интересно, почему девочка в купальнике, я просто в трусах? Стаскиваю с себя это безобразие... И... Что это? Между ног висит то, чего быть категорически не должно! И довольно крупное!» – едва до меня дошло, что за неправильности в моём теле, глазах снова помутилось, и я увидела стремительно приближающуюся землю.

По лицу течет. Ну понятно, будет течь, если на лицо выжимают синие сатиновые трусы. Мои же собственные.

– Ты кто?

– Я? Твоя сестра, Лена.

– А я кто?

– Мой брат, Юра Бобров.

– Брат?

– Да.

– Я?

– Ты.

– Твой?

– А чей ещё?

– Бобров?

– Юрка, кончай придуриваться! Ой, а может ты и не придуливаешься, вон какая шишка на голове растёт. Это ты под водой обо что-то треснулся. Дай-ка я тебе мокрую тряпку приложу.

Мокрые трусы пристроились на лбу.

– А что со мной?

– Что-что! Пришли купаться, ты нырнул, смотрю, как будто на что-то наткнулся и стал набок валиться. Я тебя быстро на берег потащила, сделала искусственное дыхание. А потом ты в обморок упал. Просто так, ни обо что не бился

– Знаешь, я, кажется, накупался. Может, пойдём домой?

– А может, немного полежишь?

– Нет, всё-таки пойдём, вот только ополоснусь, а то весь в земле и траве.

Потом был долгий путь домой по раскалённым пустынным улицам. Лена заботливо поддерживала пострадавшего меня под локоток, а дома уложила на прохладной веранде и упорхнула. Вернулась через несколько минут, а за ней вошла симпатичная женщина лет тридцати, одетая по моде 70-х годов.

– Юрка, нам повезло, я встретила Аллу Игоревну, она как раз мимо нашего дома шла!

– Ну-ка, Юрик – весело сказала женщина, присаживаясь на принесённый Леной стул – рассказывай, что ты на этот раз учинил.

– А-кха-кха...

– Невнятно, но вполне понятно – улыбнулась женщина – а что я услышу от Ленуськи?

– Мы, Алла Игоревна, пошли купаться, Юрка стал нырять, и видимо обо что-то ударился головой. Вон на лбу шишка выросла, видите? Я нырнула и его вытащила. Правда он мне очень помогал, я бы одна не управилась.

– Воды он много наглотался?

– Ужас как много! Я его, как Анатолий Владимирович учил, положила животом на коленку, и стала хлопать ладошкой по спине. Так из Юрки целое море вылилось. Я и не знала, что в мальчишку столько воды может влезть. Там ямка была, как наша кастрюля, так её почти полную налилось.

– Ну-ка принеси кастрюлю – усмехнулась Алла Игоревна, вглядываясь в зрачки болящего – посмотрим каков объём желудка у нынешних парней.

Пока Лена бегала за кастрюлей, Алла Игоревна осмотрела шишку на голове и заставила следить за молоточком, а потом, усадив на стул, постучал молоточком по суставам. Результат обследования её видимо успокоил.

– Ого! – сказала она, глянув на кастрюлю, принесённую Леной – литра два с половиной, не меньше. Неси её обратно, Леночка. Да, захвати бумагу и карандаш, я тебе продиктую рекомендации.

Вскоре Алла Игоревна ушла.

***

– Юрик, как ты себя чувствуешь?

– Не знаю, Ленусик – осторожно ответила я – знаешь, я, кажется, всё забыл.

– То есть, всё-всё?

– Угу. Я даже не помню кто я такой, кто ты и кто наши родители. И даже какой сейчас год, месяц и число.

– Ух ты! А не врёшь?

– Ни капли.

– Значит у тебя самая настоящая амнезия? Как у этого, в книжке?

– Амнезия – автоматически поправила я – вот только боюсь, что если я об этом скажу взрослым, то меня заберут в больницу.

– Это точно. – опечалилась Лена – А давай я тебе всё-всё расскажу, а потом ты и сам всё вспомнишь?

– Ну давай.

Лена быстренько притащила кучу фотоальбомов, и принялась рассказывать:

– Вот смотри, это папа и мама...

И тут произошло небольшое чудо, ну, по сравнению с оживлением, так и вовсе микроскопическое: увидев фотографии, я вдруг поняла, что все эти люди мне прекрасно известны, правда, я их узнаю лет через десять. И фотографии мне уже не раз показывали. В смысле, покажут. Потом.

В разных местах и телах оказываются попаданцы. Кому-то очень везёт, и они оказываются в телах великих царей-королей или могучих магов. У них в руках власть над целым государством – причиняй благо всем подряд, никто и не пикнет, ибо царь в своём праве. Неплохо тем, кто оказывается боярином или министром, а то и адмиралом. Хорошо и тем, кто воплощается в тренированного спецназовца и может в

одинокую отлупить сразу целую дивизию плохишей, а в перерывах между подвигами диктует свою волю непосредственно товарищу Сталину. Наличие у спецназовца трёх технических и пары гуманитарных образований идёт только на плюс. Также очень помогает наличие ноутбука, набитого подробнейшими сведениями необходимыми в данной эпохе.

А мне довелось угодить в семнадцатилетнее тело собственного мужа, простого, физически развитого, не отягощенного излишним интеллектом, рабочего парня. Связями в высоких сферах его родители никогда не обладали. Даже не повезло оказаться в столице, или хотя бы в крупном городе. Я оказалась в посёлке, вблизи границы Казахстана и России. Даже почтовый адрес прекрасно помнила: Казахская ССР, Кустанайская область, Ленинский район, посёлок городского типа Троебратский, улица Комсомольская, дом на углу. Почтовый индекс 459520.

Что касается моих собственных возможностей, то они тоже весьма скромны: школьные знания получены именно в эту эпоху, высшее образование, хоть и получено в ленинградской Техноложке³, однако не обеспечивает знания прорывных технологий: биотехнология – весьма неторопливо развивающаяся отрасль мирового хозяйства. Политикой я практически не интересовалась, разве что в памяти отложилось то, как белорусы очень тепло вспоминали Машерова, а

---

³ Техноложка – Технологический институт имени Ленсовета. Расположен в Ленинграде, ныне г. Санкт-Петербург

Бобрик с огромным уважением отзывался о Кунаеве и Назарбаеве, первых секретарях компартии Казахстана, а Назарбаев был ещё и первым президентом Казахстана уже независимого. А ещё у меня была стойкая неприязнь к Андропову, оставшаяся со времени его недолгого правления. Впрочем, Бобрик тоже считал Андропова редкостной гнидой.

Как и многие, я люто ненавидела Перестройку и развал Союза, но... если бы не было этой трагедии, то я никогда не встретила бы своего Бобрика, Боброва Юрия Сергеевича, и не было бы у меня тридцати лет счастья. Так что будем считать, что попадание случилось в параллельной вселенной, а раз так, то не стоит заботиться о неслучившемся.

«Ну, раз так всё получилось – думала я – буду жить жизнью Юрия, сама стану Бобриком».

И вообще: а стоит ли трепыхаться и лезть в политику? Мне дан удивительный шанс прожить вторую жизнь, к тому же в мужском теле... Должно быть, любопытные ощущения ожидают меня впереди.

***

Фотографии просмотрены, воспоминания восстановлены – ещё бы! я не раз бывала здесь в гостях, кроме того, Бобрик мне много рассказывал о своём детстве и юности. Мне любопытно взглянуть на свёкра и свекровь – отчима и мать Юрия Боброва, впервые увиденных мною только много лет спустя. Ну, не беда, они скоро придут с работы.

Леночка, кстати, не родная сестра Юрия. Она дочь Владимира Алексеевича. Сейчас ей пятнадцать лет, точнее пятнадцать ей исполнится через восемь дней. Красивая зеленоглазая девочка, по-детски худенькая, немного угловатая, с густыми темно-русыми волосами.

«А ведь у Леночки скоро день рождения!»

– Ленусик, а что ты будешь готовить на свой день варенья?

– Не знаю. Я вообще не хотела отмечать.

– Ты с ума сбрендил? Человеку исполняется пятнадцать лет, самый, можно сказать чертовский возраст, а она отмечать отказывается!

– А почему чертовский?

– А потому что тринадцать это чёртова дюжина, а она у тебя уже третий раз подряд повторяется. У тебя, если по науке, самый злостный переходный возраст. Идёт, понимаешь, переделка из подростка в девушку, причём страшно привлекательную.

– Дурак и не лечишься.

И тут я, неожиданно для себя, приняла важнейшее решение: окончательно решила стать Юрием. А что? Фактически я и есть он. А что касемо женских воспоминаний и вообще прошлого опыта... так это гигантское подспорье.

– Так точно! – легко согласился новоявленный Юрий – Весь в тебя, сестричка. Ну, так что будешь готовить?

– Ну не знаю... Я только борщ умею, да щи... ну ещё суп и второе. И оладьи. Только это не праздничная еда.

– Точно, не праздничная. Решено! Беру управление на себя. Кого позовёшь?

– Ну... Олю Чернышевскую, Фаю Казанбаеву и Кайрата Ахметова. Ну и Генка припрётся.

– Какой Генка?

– Какой-какой – передразнила Лена – дружок твой закадычный, Денисенко. Опять будет мне песни петь и никому не позволять со мной танцевать.

– Опаньки! А тебе это неприятно?

– Приятно – Леночка покраснела как маков цвет – только неловко. Все же видят.

– А хочешь, Леночка, я тебе сделаю пророчество?

– Какое пророчество?

– А вот какое: вы с Генкой вместе поступите в институт, на втором курсе поженитесь, и будет у вас четверо детей.

– Дурак! – ещё гуще покраснела Лена – А почему в институт вместе поступим?

– Генка ещё в армии должен отслужить, а ты тем временем закончишь школу. Поняла? Но мы отвлеклись. Ты насчитала четверых. Плюс мы с тобой, плюс мама с папой, плюс твоя крестная, итого девятеро.

– Погоди, как ты сказал? Папа?

– Сказал. Я понял, что был неправ, не признавая Владимира Алексеевича за отца. Но раз ты мне сестра, значит он для меня отец.

– Спасибо, Юра! Папа очень переживает из-за этого.

– Ладно. Продолжим: на горячее сделаем шаверму. Кроме этого, салаты «Оливье», «Мимоза» и селедку под шубой, а на сладкое будет шарлотка и земляника со сливочным кремом. А на вторую еду сделаем рыбу в кляре. Ну и чаю сколько влезет. А устроить всё лучше на природе, например прогуляться на Первый Бугор.

– Давай лучше проведём всё это на озере, в Казанке, папа нас туда на своей машине отвезёт.

– Конечно, так будет лучше.

– Только, Юрка, ты точно сумасшедший. Во-первых, я не умею всё это готовить, во-вторых, на «Оливье» нужен майонез, а у нас, его нет, и нескоро будет. Папа же говорил, что Курганский масложирзавод на профилактике. И что такое твоя шаверма я не знаю.

– Ленусик, отвечаю по пунктам. Во-первых, готовить будем вместе, и под моим чутким руководством. Во-вторых, майонез сделаешь ты лично, опять же под моим руководством. Ну а шаверма – это такое арабское блюдо, очень лёгкое в приготовлении. Готовить будете вместе с девушками, опять же, под моим чутким руководством.

– Юра, ты откуда знаешь рецепт майонеза?

– Не помню, вычитал где-то.

– А точно получится?

– Конечно. Я уже делал один раз – господи, как же легко я умею врать!!! – потом разлил по баночкам и маме отдал, когда она новогодний стол готовила, и никто ничего не за-

метил.

– А почему не сказал?

– Понимаешь, сначала хотел посмотреть, отличат ли по вкусу, а потом как-то забыл.

– Слушай, давай сейчас сделаем, к приходу родителей?

– Да запросто. Давай яйца, я буду их мыть с мылом, а ты принеси отцовскую дрель, пассатижи и стальную проволоку.

– Зачем?

– Сейчас сама увидишь.

Я согнул из проволоки шестилопастный венчик, тщательно отмыл его с мылом и закрепил в дрели.

– Ну-с, сударыня, приступим! Раздели-ка яйца на белок и желток. Не умеешь? Не беда, сейчас покажем.

– Ой, это действительно легко!

– Значит так: желтки шести яиц мы заливаем ложкой уксуса и начинаем взбивать. Видишь, желтки побелели? Теперь начинаем вливать масло. Я кручу дрель, а ты лей тонкой струйкой.

– Юрочка, у нас получается!

– А то! Между прочим, это четвёртый разряд повара-кондитера. Кончилось масло? Теперь бери стакан, в котором мы сделали раствор специй и тоже лей тонкой струйкой.

– Ой, получилось! Дай попробовать?

– А вот держи венчик, с него вкуснее слизывать.

– И чем это дети заняты – слышалось от дверей – неужели чем-то полезным?

– Ой, мамуля, мы с Юрой тут майонез делаем! Получилось! Вкусно! Правда не вру! – и Лена бросилась к матери, суя ей в рот, венчик с остатками майонеза – Юра сказал, что с венчика вкуснее пробовать.

Мать лизнула, сосредоточенно нахмурилась, лизнула ещё и улыбнулась:

– И, правда, получилось. И даже не Провансаль, а Салатный. Я угадала?

– Правильно. Я специально побольше уксуса положил, и растертые укроп с петрушкой.

Мать подошла к столу, отрезала тонкий ломтик черного хлеба, положила сверху капельку майонеза и отправила в рот.

– Я его так, по-простому люблю, хоть говорят, что это вредно для фигуры.

– Мамуля, мамуля, а Юра на мой день рождения будет готовить шувурму! Правда, Юра?

– Не совсем. Во-первых, шаверму, а во-вторых, готовить будете вы с подружками, а я только руководить.

С улицы слышался звук подъезжающего грузовика. Я вытер руки о полотенце и направился к двери:

– Пойду, батю встречу.

Краем глаза я увидел, как Лена начала что-то объяснять пораженной матери.

У ворот стоял старенький, но ухоженный ЗиС-151, «Мормон», с фотографией Сталина на лобовом стекле. Отчим

Юры как раз опускал задний борт. Это был крепкий мужик лет тридцати пяти. Жилистый, сухощавый, небольшого роста. Типаж алтайского чалдона – похож на знаменитого Михаила Тимофеевича Калашникова. Владимир Алексеевич и был родом с Алтая, из славного города Бийска.

«Да – подумал я – а свекор не сильно изменился, впрочем, молодость и ему к лицу».

Молча подошел, помог отчиму опустить борт и запрыгнул в кузов.

– Папа, что подавать?

Лицо Владимира Алексеевича дрогнуло, но он не показал волнения.

– Двигай сюда вон те шпалы – распорядился он.

Я выдвинул три лежащие в кузове старые, но крепкие железнодорожные шпалы, затем мы вместе опустили их с кузова и в вертикальном положении откантовали ближе к забору, и там уложили одну на другую, чтобы не мешали проходу.

– Папа, в следующую субботу у Леночки день рождения.

– Помню. И что вы задумали?

– А ты не мог бы договориться, взять машину и отвезти всех нас на озеро, в Казанку?

– Могу, конечно. А «нас», это кого?

– Вы с мамой, тётъ Лида, Ленуськина крестная, четверо Ленуськиных друзей, сама Ленуська, ну и я. Итого девять человек.

– Тогда десять: Валерку, Лидиногo мужа ты не посчитал?

«Точно, Лида с Валеркой развелись аж в восьмидесятые годы» – вспомнил я.

– Точно.

– Ладно. Тогда я пятницу возьму в автобазе скамейки, чтобы в кузове было удобно ехать.

– Слушай, пап, а складного стола там нет?

– Есть, но маленькие, нам они не подойдут. Ладно: возмёшь тот щит, что стоит в дровянике, сколотишь пару козел, вот и будет стол. Ну ладно, пошли в дом. И это, Юрик, ты, где себе рог насадил, подрался что ли?

– Этот что ли? – я потер шишку.

– Этот самый.

– Да понимаешь, пап, глупость такая: пошли купаться, я стал нырять и обо что-то треснулся лбом. Спасибо, Леночка меня вытащила, а то не знаю, что было бы.

Отчим хмыкнул и пошел умываться.

***

Вечером, когда я уже улёгся в постель, ко мне подошел Владимир Алексеевич, присел рядом на табурет.

– Юра, завтра или послезавтра сходи с Ленкой в магазин, купи ей какой-нибудь подарок.

– Папа, а если я куплю материал для подарка, и сделаю сам?

– Ещё лучше. Значит, сделаешь сам.. Тридцати рублей хватит?

– Да за глаза. Этого даже слишком много. Если останется...

– Останется, придумаешь куда пристроить. Деньги я вот сюда, в тумбочку кладу, чтобы сквозняком не унесло. Ладно, спокойной ночи, сынок.

– Спокойной ночи, папа.

Я лежал на диване и вспоминал события этого длинного дня. Прекрасно, что «внедрение» прошло без сучка и задоринки. Конечно, помог шок. То, что я стал называть отчима отцом, отодвинуло на задний план, все нестыковки в моего поведении. Помогла и память о предыдущих приездах. Словом, внедрение состоялось. И вот такая любопытная подробность: сама я, когда была Еленой Ивановной, не была рукодельницей, разве что неплохо портняжила и кое-что соображала в кулинарии, а вот мой Бобрик, наоборот, прекрасно умел мастерить. А вот сегодня, когда понадобилось изготовить венчик, я не стала задумываться, а просто сделала. И использовать дрель вместо миксера – эта идея скорее Бобрика, чем моя. Значит, Бобрик никуда не делся, а тихонько мне помогает, как это он делал всегда. А это значит, что наша личность получилась, как в рекламе говорится: два в одном.

И что ещё любопытно: раньше я при таких размышлениях тихонечко бы поплакала, сейчас... отметила факт и отложила на полочку. Странно. Впрочем, не более странно, чем внедрение женского сознания в мужское тело.

Теперь подумаем о планах на будущее. Юрий пошел в

школу поздно: в восемь лет, а сейчас, в семнадцать, перешел в девятый класс, впереди ещё два года школы. В сущности, можно попытаться окончить школу досрочно – в Калининне такое случалось, почему бы экстерну не быть в Кустанае? Но стоит ли? На два года раньше я поступлю в институт. Кстати, в какой? Реальный Юрий мечтал о поступлении в лётное училище, а потом водить вертолёты. Но его зарезала первая же медкомиссия – сердце не позволило. И стал Бобрик строителем. Сама я хотела стать историком, но у истфака тогда не оказалось мест в общежитии. Зато в Техноложке я оказалась ко двору, о чём никогда не жалела. А куда теперь двинуться? Ну да время будет определиться и решить. Главное не наделать прежних ошибок. Кроме того – в мутной воде горбачевского времени можно наловить для себя много вкусной рыбки, и умотать куда-нибудь во Флориду.

ПГТ Троебратский, 8 часов утра.

Пробуждение вышло неожиданным: кто-то меня тащил с дивана за ногу. Я автоматически (Бобровская реакция!) лягнул другой ногой, и как выяснилось, удачно: злодей хрюкнул и отскочил.

– Тебе что надо, придурок? – реакция тоже оказалась скорее Бобровская, это я автоматически отметил для себя, разглядывая прищельца. Прищелец выглядел как мальчиковый вариант Гены Денисенко. Кстати, намного симпатичнее старого. Тот был здоровенный, толстый, лысый, но зато с бородой. А этот тощий, длинный и удивительно волосатый. Естественно, безбородый. Причёска «а-ля Анджеला Дэвис» ... Или так стали называть позднее? А, неважно.

– Вставай быстрее, Юрик!

– Зачем?

– Юрка, ты что забыл?

– Что забыл?

– Ты же мне обещал стишок сочинить, чтобы я новую песню написал. Мне ещё музыку сочинять надо! Или ты, зараза, ничего не написал?

«Ха! – подумал я – Попаданец я или хвост морковный? Ща будут вам и песни, и пляски, и Сталин с Берией, и промежуточный патрон».

Настроение сделалось веселым и хулиганским.

– У меня их уже штук десять для тебя написано – спокойно и нагло соврал я, ибо ложь для попаданца есть самое естественное состояние – а на какую тему сейчас надо?

– Ну, это... Виталик обещал меня взять в состав ВИА, ну, в клубе ЖД. Но только если я сочиню какую-нибудь путную песню.

– Геныч, а ты подумай: зачем тебе какой-то мутный ВИА, если у них нет своих песен. Они ведь чужое перепевают, правильно?

– Ну да! Кстати, Виталик классно поет «Битлз».

– Да ты подумай, кем бы был «Битлз», если бы перепевал чужие песни?

– Ну...

– Ладно, пошли. Я тебе сейчас покажу, что я сочинил, а ты подберёшь аккорды. Гитару взял?

– Вот его гитара – в дверях появилась Ленуська.

– Отдай Гендосу, и садись рядом с ним, а я вам сейчас изображу Отса с Мондрус.

Я вышел на середину веранды и, отбивая в ладоши такт, запел:

Пусть осень пройдёт золотая,
Метель бушевать перестанет,
И солнце, смеясь и сверкая,
В начальные классы заглянет.
Здесь к знаниям новым спешили

Мы с первым учителем вместе,
Росли, удивлялись, дружили
И пели любимые песни.

Листвой шелестит сентябрь,
И вновь расцветает май.
Мы будем любить тебя,
Родимая школа, знай.⁴

– Обалдеть! – вынес суждение Гена. – А ты и музыку придумал, вот молодец!

– Юрочка, это же прекрасная песня, когда ты её сочинил?
«Сочинил не я. – возникла самокритичная мысль – Интересно, а родились ли авторы этой песни?»

– Не так давно – задумчиво сказала я, вспоминая, как ещё в женском теле, разучивал с внучкой эту песню, для «выпускного» в четвёртом классе. А что? Убрал слово «начальная», и песня стала просто школьной.

– А ещё есть?

– Конечно.

– Ну, так пой.

– А эта песня хорошо пойдёт для танцев. Медляк. Девушки будут рыдать:

Видеть тебя всегда

---

⁴ Слова и музыка Елены Плотниковой

Хочется мне сейчас.
Мысли твои читать
В каждом движении глаз.
А еще иногда
Слышать дыханье так,
Чтобы был каждый вздох
В такт.

"Я у твоих ног!
Спасибо не говори!
В этом тебе помог Рок,
Его и благодари.⁵

И опять я чуть-чуть подредактировал песню: заменил бога на рок. По смыслу совпадает, и при этом не режет ухо несоветскими словами.

– А у Ленуськи глаза на мокром месте. – сообщил Гена – Спой что-нибудь повеселее.

– Да запросто! Следующая песня называется «Все, что тебя касается»:

Такие длительные уроки
Такие маленькие перемены
Законы Ома еще не знакомы
В таких ботинках моря по колено

---

⁵ Слова и музыка Наталии Власовой.

Не надо думать, что все обойдется
Не напрягайся, не думай об этом
Все будет круто, все перевернется
А-а-а-а-а-а-а-а-а

Все, что тебя касается
Все, что меня касается
Все только начинается
Начинается...⁶

Мне опять пришлось редактировать песню: ну какие «маленькие телефоны» в 70-е? Я припомнил, что была такая система «Алтай», но она весила килограммов пять, так что передвигалась исключительно на машинах.

– Ну что, Геныч, будешь отдавать такие песни, кому попало?

– Не, нефиг! Лучше свою группу создать. Вот только кого позвать? И где взять инструменты? У Виталика в клубе три электрогитары, бас-гитара, ударные и ионика. А нам он не даст.

– Геныч, давай по составу: у Ленуськи прекрасное сопрано, у тебя шикарный баритон. Так что можете некоторые песни петь дуэтом. Это считай, что солисты у нас есть. По инструментам: у тебя гитара. Ленуська владеет баяном и

---

⁶ Слова и музыка Рома Зверь

немного балалайкой. Я могу взять на себя ударные.

– С балалайкой на танцы? – удивился Гена. Ленуська тоже вытаращила глаза.

– Эх вы, село неасфальтированное. Не рубите вы фишку. Сейчас начинается эпоха этнических групп! Смотрите: мы живём в Казахстане. Сколько здесь живёт национальностей? Посчитайте хотя бы соседей.

Гена начал считать, для верности загибая пальцы:

– Казахи, русские, хохлы, немцы, корейцы, узбеки, чеченцы. Еврея знаю, только он старый уже. А, тётя Стюра полька. А ты к чему это?

– погоди, давай вспомни, кто из наших хороших друзей хорошо поёт?

– Кайрат поёт. Он ещё на домбре играет. – сообщил Гена.

– Оля Белошевская говорила, что на флейте играет, а Фая Казанбаева поет и играет на гитаре. Только гитара у неё испортилась. Рассохлась. Я в мае пришла попросить для Гены, а она плачет над гитарой. Ей обещали купить, но ведь дорого.

– Ну, вот смотрите: трое нас, плюс Кайрат, Оля и Фая. Кстати, а кто Фая по национальности?

– Вроде бы татарка. – наморщила лобик Лена.

– Так вот: я, Ленусик и Оля русские. Кайрат казах, ты, Геныч украинец?

– Наверно, не знаю... Батя из-под Чернигова на целину приехал.

– А Фая татарка. Так вот, если мы будем петь песни на

родных языках, то что будет?

– А что будет?

– А будет дружба народов.

– Дык... Она у нас и так есть.

– Эх вы, село неасфальтированное. – опять ухмыльнулся я – Да нас с таким репертуаром будут посылать на разные конкурсы. Поняли?

– А... Точно.

– Юра, а ты и по-казахски умеешь сочинять? – удивилась Ленуська.

Тут я крепко зажмурил глаза и задумался. Бобрик, когда ему перевалило за пятьдесят, впал в ностальгию и стал коллекционировать казахские песни. Особенно часто он крутил песню «Атамекен» в исполнении Парвиза Назарова. Песня, насколько я помнил, написана к очередному юбилею создания союзной Республики Казахстан, и часто исполнялась по радио.

– По-казахски не умею, но есть выход: я напеваю мелодию, Геныч её перекладывает на аккорды, а тот же Кайрат сочиняет текст. Вот вам и песня на казахском. Или на украинском. К тому же есть хорошие готовые песни, которые можно перепеть по-своему. Скажем, есть такая песня «Атамекен», мы можем её спеть.

– Можно и так. – согласились Ленусик и Гена.

– И ещё: песни надо будет регистрировать. Авторство будет коллективным. Согласны?

– Не, это нечестно – заворчал Гена – ты вон какие песни сочинил... «Все, что тебя касается» это же полноценный шлягер!

– А «Я у твоих ног» ещё лучше! – поддержала его Ленуська.

– Ну и что? – хладнокровно парировал я – зато ваши песни пойдут и под моим авторством. И вообще: хватит дискуссий, я тут главный, а вы на бэк-вокале. Делаем так: ты, Геныч, бежишь к Кайрату, а ты Ленуська к Оле и Фае, и тащите их сюда вместе с инструментами.

– Ладно, я пойду – решил Гена – только ко всем мы пойдём вдвоём с Ленуськой. Да, что такое бэк-вокал? Если что-то обидное, то я тебя стукну. Ногой. Больно.

– Да ничего страшного: бэк-вокал, это по-нашему подпевка. Помнишь, когда ты «Тумба ла неже» пел, я на заднем плане подпевал?

– А, это нормально.

– Ну так чего сидите? Жду вас через час.

– погоди – заупрямился Гена – ты сначала объясни, что там за этическая группа.

– Геныч, не этическая, а этническая.

– И что это значит?

– Это значит, что песни мы будем петь с национальным колоритом. Ну, скажем, когда будем петь «Атамекен», то должна быть партия домры или, например, какой-нибудь барабан или бубен.

– А когда русские песни?

– Баян, балалайка или ещё что-нибудь. Но мы об этом думать будем потом, а сейчас – бегом, негры! Солнце высоко!

Гена пихнул меня кулаком в живот, и они с Ленуськой отбыли, а я наконец-то получил возможность умыться и почистить зубы.

Час спустя

– Здорово, Юрик!

На веранду вошел мой ровесник, крепкий парень среднего роста. Русский. Сероглазый. «Кто же это? – запаниковал я

– А, ладно, буду тянуть время, как-нибудь само выяснится».

– И тебе не хворать. По делу?

– Ну да. Гендос сказал, что ты собираешь ВИА. И что придумал классные песни.

– А, понятно. Ты, на каких инструментах играешь?

– Гитара, бас-гитара, ударные. Ещё у нас есть шанкобыз. Батя показывал, как на нём играть. Я пробовал, это нетрудно. Но нужна практика.

– А что такое шанкобыз?

– Такой казахский варган. Но я не знаю, чем он отличается от других варганов.

– О! Это как раз то, что надо. Значит так...

– Погоди. Мне кое-куда надо, я схожу, потом поговорим, ага?

– А – сообразил я – сходи, конечно. Знаешь где, или проводить?

Парень хмыкнул и вышел на улицу, в направлении туалета. Едва он завернул за угол, как появилась целая толпа: Гена и Ленуська, а с ними парень и две девочки.

«Ага! – стал прикидывать я – Чернявый парень, это Кай-

рат. Девочка с флейтой должно быть Оля, а вторая девочка – Фая»

– Валера пришел? – спросила Ленуська.

– Да. Только он отлучился. Сейчас руки помоем и придет. Ребята расселись на веранде

– Значит так, братцы-кролики! – я был строг и значителен

– Поясняю диспозицию.

– Чего поясняешь? – невежливо перебил его Гена.

– Не перебивай. Сначала выслушайте, а потом будете выражать своё мнение и задавать вопросы, а если будут мысли, то и дополнения. Ясно?

Все согласно покивали.

– А раз так, то слушайте. Наш репертуар будет состоять, условно говоря, из четырёх блоков: попса, рок-н-ролл, народная и сложная музыка. Сразу учтите: чёткой границы между этими блоками нет, скорее они представляют собой разные струи одного потока. Поясняю: под попсой я понимаю песенки для танцев. Простые и незамысловатые. Рок – это то же самое, но с чуть более сложными словами и музыкой. Но и тут есть интересные варианты. Например, я вам потом покажу композицию «Ду хаст», она состоит из десятка слов на трёх аккордах, а при этом потрясающей силы вещь. С народной песней всё понятно, уточню только, что мы будем играть скорее стилизации под народные песни. Ну а серьёзная музыка – это такое приближение к классической музыке.

– Классика. Фи! – скривился Гена.

– Гендос, а как тебе «Лунная соната»? – спросил Кайрат.

– Классная вещь!

– Гендос, «Лунная соната» это самая голимая классика. Посрамленный Гена замолк.

– Продолжу: примеры попсы и рока я вам приводил. Классику мы начнём исполнять тогда, когда поднимем свой уровень до мало-мальски пристойного.

– Юра! – подала голос Ленуська, по-ученически подняв руку – у меня есть предложение.

– Слушаем тебя.

– У нас у всех нет музыкального образования. Мы даже нот не знаем, ну, разве что Гена немного знает.

Я-то ноты знаю, всё-таки за плечами у Елены Ивановны была музыкальная школа, но ребятам об этом знать не обязательно.

– Продолжай – кивнул я.

– Нам нужен руководитель.

– Отличная мысль. И кто это будет?

– У Гены сейчас живёт его тётя, она окончила три курса Новосибирской консерватории.

– А почему не полностью? – удивился Кайрат.

Гена помрачнел и насупился. «Понятная история» – подумал я, а вслух воскликнул:

– Отлично! На каком отделении она училась?

– Дирижерский факультет.

– Опа! Управление симфоническими и эстрадными кол-

лективами. Это то, что как раз нам и надо. Ребята, нам повезло! Значит так: общее руководство оставляю за собой, твоя, Геныч, тётя... как её зовут?

– Ирина Сергеевна.

– А Ирина Сергеевна, если мы её уговорим, а мы её-таки уговорим, будет нашим дирижером и художественным руководителем. Все согласны? Тогда, Геныч, твоя задача: дня через три пригласить Ирину Сергеевну к нам на репетицию, а мы постараемся произвести на неё хорошее впечатление. А сейчас начинаем репетировать «Родимую школу». Располагайтесь, возьмите карандаши и тетрадки, будем писать текст песни...

Репетиция началась. В сущности, в управлении самостоятельным коллективом нет ничего сложного, особенно если у тебя за плечами музыкальная школа, институт и опыт руководства цехом фармацевтического завода.

***

На обед был борщ, колета с макаронами и куча огурцов: резать салат ни я, ни Ленуська не захотели. Пока ели, Ленуська всё рассказывала о своей однокласснице, которой тётя-геолог привезла из Ливии настоящий джинсовый сарафан. Уж такой красивый, что глаз не оторвать. Все девчонки Светке завидуют, а вот она, Ленуська, совершенно, ну ни капельки не завидует, потому что это глупо.

– Ленуська, а пойдем, пробежимся по магазинам? – пред-

ложил я просто для того, чтобы прервать страдания ни капельки не завистливой Ленуськи.

– А пошли! В галантерею, за линией, вчера должны были товар завезти, вот и посмотрим. И в книжный магазин.

– Вот и посмотрим для тебя подарок. Отец дал тридцать рублей на подарок для тебя, цени!

– Целую тридцатку? Вот это да!

Пока добрались до галантереи, пришлось побывать в разных других местах:

– в продмаге, что на бугре, где взяли по шоколадке и бутылку лимонада на двоих;

– на вокзале, непонятно зачем;

– в ПЧ-5, поздороваться с соседкой Аней, которая теперь там работает. Заодно Ленуська поплескала руками в знаменитом фонтане, который, как известно любому образованному человеку, был снят в фильме «Встретимся у фонтана»;

– у кинотеатра «Чайка», чтобы убедиться, что билеты продаются перед сеансом, а сейчас касса закрыта;

– в продуктовом магазине по дороге, чтобы попить томатного соку на розлив;

– в хозяйственном магазине, чтобы поковыряться среди ведер и лопат;

– заскочили к тётё Насте, потому что лимонад и сок попросились на волю...

Тётя Настя, какая-то дальняя родственница Владимира Алексеевича, времени терять не привыкла:

– Юра, Вова сказал, что ты умеешь делать майонез. Или он пошутил?

– Нет, не пошутил. Если надо, я вас тоже научу делать.

– Что для этого нужно?

– Ну, во-первых, нужен миксер. У вас есть?

– Нету.

– Тогда подойдёт дрель.

– Зачем?

– Понимаете, майонез нужно взбивать. Вообще-то можно его взбить и обычным венчиком, но лучше все-таки механическим устройством.

– Взбивать. А, у меня есть взбивалка!

Тётя Настя метнулась в кладовую и притащила оттуда коробку... с электрическим миксером.

– Так это он и есть! Подумать только! «Комет», производство ГДР. Кстати, отличная машинка, берегите её. А откуда она?

– Это Степа в Алма-Ате купил. Был там в командировке. Смотрит – очередь, а когда очередь дошла, не разбираясь, купил. Такие деньжищи отвалил, просто страсть. А я ни разу и не пользовалась, не нужно было. Только Стёпу отругала, а оказывается, что зря.

– Извинитесь, да и дело с концом, а если ещё и похвалите, то он будет гордиться своей предусмотрительностью. Теперь, я уверен, пользоваться будете часто. Подсолнечное масло без запаха есть?

– Есть. Что ещё надо?

Пока я перечислял ингредиенты, появилась Ленуська. Помыла руки и тоже бросилась помогать.

Майонез совместными усилиями сделали, результат опробовали, рецепт записали. Мы с Ленуськой отправились дальше, договорившись что, возьмём миксер, чтобы сделать ко дню рождения разные вкусности.

Я с интересом разглядывал места, куда меня таскала Ленуська, и периодически задавал наводящие вопросы. Перед глазами разворачивалась прелюбопытнейшая картина: встречный народ выглядел куда бодрее и здоровее, чем там, в будущем. Больше улыбались, шутили. Одежда? Да нормальная одежда! Совсем не такая как в будущем, но ведь и мода совсем другая. Бросилось в глаза разнообразие фасонов и стилей, присутствующих одновременно. Люди одевались куда разнообразнее, чем впоследствии. Дело не в яркой одежде: синтетику народ носил мало, а натуральные ткани ярко не раскрасишь, ибо нет, да и в будущем не будет устойчивых красителей для натуральных тканей. Дело в другом: было много вещей, сшитых индивидуально. А, кроме того, люди не стеснялись перешивать стандартные вещи, украшать их, модернизировать. Благодаря этому люди не выглядели толпой, а наоборот, было ясно, что каждый индивидуален. Дети чаще всего бегают босиком, мальчики одеты в маечки и лёгкие трусики или шортики, а у девочек короткие юбоч-

ки и маечки или лёгкие платица. На моих глазах два пацана что-то не поделили, и начали сердито пихаться, но проходящий мимо взрослый отчитал бойцов, тут же заставил их помириться и спокойно ушел своей дорогой.

Наконец добрались и до галантереи. Пока Ленуська рассматривала сумочки, я пошел в отдел тканей, и тут же наткнулся на греческую джинсу. Отличный деним, малость дороговат, но... Почему бы и нет? Купил. Много. Уже целенаправленно бросился к фурнитуре, отыскал там кнопки в виде звёздочек, которые вполне можно было бы использовать как имитацию заклёпок, молнию, синтетические сапожные нитки и аляповатые алюминиевые пряжки «под бронзу». Все покупки продавщица ловко упаковала в серую оберточную бумагу и перевязала сверху бумажной бечёвкой. С пакетом в руках я отправился искать Ленуську, и нашел её почти там же, где и оставил. Слава богу, денег хватило и на кошелёк... Кстати, я очередной раз поразился прихотливым изгибам женской логики: Ленуська начала рыться среди сумочек, а в результате купила кошелёк. Впрочем, это тоже были скорее Бобровские эмоции.

– А ты что купил?

– Тут некоторые страдали, что у них нет сарафана. Было такое?

– Не говори ерунду. Я не какая-то там тряпичница, и вещицизмом не страдаю.

– Ерунду не буду, просто скажи, где найти оверлок.

– У тёти Стюры есть. А зачем?

– Сейчас я тебе сошью сарафан, как у твоей знакомой, ты не против?

– Джинсовый сарафан? Врёшь!

– Я и с майонезом наврал?

– Ну и что ты тут выстроился? – рывкнула на меня не страдающая вещизмом Ленуська, забрала у меня пакет с покупками и почти бегом бросилась домой. А я, посмеиваясь, шагал следом. Ах, какая у меня милая и непосредственная сестрёнка! Надо бы побольше делать для неё всякие приятные вещи.

Уже дома, раскраивая ткань, я решил обойтись без оверлока. Швы можно обметать и на швейной машинке. Возни, конечно, больше, но зато не нужно тащиться куда-то. Тем более, что рядом суетится, подпрыгивает и жаждет примерки мелкий ураган. Управился с шитьём меньше, чем за два часа, ещё час прилаживал к сарафану пряжки и заклёпки.

– Юрочка! А давай и маме сошьём? – умоляюще заныла Ленуська, вертась перед зеркалом.

– А давай! Тащи какое-нибудь мамино платье, снимем размеры с него.

Еще через час (сказалась сноровка), был готов и следующий сарафан. Я закреплял последние заклёпки, когда с работы пришла мать.

– И где мои дети? – слышался её голос из прихожей.

Ленуська ужом выскользнула из своего сарафана и броси-

лась из комнаты:

– Мамуля, не входи, там тебе готовится сюрприз!

– Почему ты почти голая? – подозрительно спросила мать.

– Сейчас всё узнаешь, только пока не входи.

– Уже можно! – подал я голос.

Мать вошла, и её взгляд сразу остановился на разложенных, на столе сарафанах.

– Юра! – потрясенно сказала она – Это ты сам?

– Конечно сам! А я только рядом стояла и нитки подавала. – похвасталась Ленуська – Только, мамуля, мы все жёлтые шёлковые нитки использовали.

– Да и шут с ними, с теми нитками. – рассеяно сказала мать, прикладывая свой сарафан к груди. – И вообще, Юра, брысь отсюда, я обновку примерять буду.

– Мама, вещи ещё надо отгладить после шитья – напомнил я выходя.

– И, правда. Ты иди Юрочка, а у нас с Ленуськой тут дела.

Вернувшегося с работы отца дамы встретили во всём блеске джинсового великолепия. Тот выразил положенное восхищение, а после ужина позвал меня с собой в мастерскую. Там он покопался в ящиках с разными железяками, и откуда-то снизу извлёк штампованную пластинку.

– Держи. Думаю, это надо Ленке на карман присобачить.

Я посмотрел: на пластинке был отштампованы крылья, а по верху шла надпись Harley Davidson. Харлей Дэвидсон, знаменитая американская мотоциклетная фирма. До войны

и во время войны они нам поставляли много своих машинок.

– Откуда это?

– Да я, давно уже, шильду с разбитого американского мотоцикла свинтил на память, а гляди-ка, пригодилось.

Вечером, переделав дела, мать в новом сарафане вышла за ворота на скамейку. Тут же к ней потянулись соседки:

– Здравствуй Тая, мы к тебе.

– Присаживайтесь, бабоньки.

Похвасталась рукодельными детьми, поговорили о том, о сём, перемыли косточки отсутствующим подружкам. Помолчали.

– Ой. Таюшка, а давай споём? Уж очень давно мы не спивалы. – вздохнула Кривенчиха. – Давай, Таюшка, запевай.

– Цветет терен, цветет терен, листья опадают⁷. – завела мать.

– Кто с любовью не знается, тот горя не знает. – подхватили бабы.

Спели, вздохнули, помолчали.

– От какие хорошие наши викраиньские песни! – вздохнула Кривенчиха.

– Ну тогда давай и русскую песню споём – усмехнулась мать и завела:

Всё васильки, васильки

---

⁷ Цветет терен – украинская народная песня.

Сколько вас выросло в поле

Бабы подхватили дружным и слаженным многоголосьем:

Помню у самой реки
Я собирал их для Оли⁸

Мужикам было неуместно петь с бабами, а послушать приятно, потому они разместились на скамейке у дома через дорогу, и смолили там свои папиросы.

– От, какие хорошие наши русские песни – опять вздохнула Кривенчиха – Тая, а что это у тебя сегодня полдня музыки играла, да так складно?

– Это Юра и Лена с друзьями решили самодеятельность создать.

– И что, получается?

– Хотите послушать?

Бабы одобрительно зашумели, а мать подошла к веранде и постучала в стекло:

– Юра!

– Вот он я!

– Юра, не хочешь спеть перед народом?

– С удовольствием. Только сейчас Ленуську позову.

Когда я с Ленуськой вышли, народу прибавилось. Бабы, кто уместился, сидели на скамейке, а остальные кто уселся

---

⁸ Слова А. Апухтина, музыка народная.

на шпалы, кто просто стояли.

– Уважаемые друзья, дорогие соседи! – обратился я к зрителям – Сегодня мы с сестрой впервые выступаем перед публикой. Вашему вниманию мы предлагаем песни, которые вы ещё не слышали, и очень надеемся на ваше одобрение.

Ленуська аккомпанировала на баяне, а я пел:

Вот и прошли года, но мы не старые,
Недолюбившие, сидим усталые.
Весна счастливая, а сколько красок в ней,
Под старой ивою течёт, течёт ручей.

Со второго куплета бабы начали подпевать припев, а Кри-
венчиха со своей закадычной подружкой Андреихой пусти-
лись в пляс:

Течёт ручей, бежит ручей,
И я ничья, и ты ничей.
Течёт ручей, бежит ручей,
И я ничья, и ты ничей.⁹

Песню пришлось повторять ещё два раза. Потом спели
«Родимую школу», вызвав у слушателей слёзы умиления.
Последней прозвучала «Галина»:

---

⁹ Слова П Черняев, музыка А. Костюк.

Ходил по свету, колесил, я много лет
Но счастья так и не нашел
Ни друга нет, жены, вот тоже, в общем, нет
И на душе нехорошо
Видал я много разных стран и городов
Ногами шар земной крутил что было сил
Да только в сердце свою первую любовь
Всегда носил, всегда носил

Растет, растет
Возле дома калина
Растет, цветет
Да у всех на виду
Живет, живет
В этом доме Галина
А я никак все туда не дойду
Живет, живет
В этом доме Галина
А я никак все туда не дойду.

А помнишь, Галя, как я в армию пошел
И от тебя всё ждал письма
А друг соврал, что я другую там нашел
А ты поверила словам
Я столько лет тебя пытался позабыть
Бежал по свету как чумной, не чуя ног

Но разлюбить тебя, родная, разлюбить
Так и не смог. Так и не смог!

Когда спел второй куплет, шептавшиеся было бабы дружно примолкли, улыбки с лиц стерлись, как будто кто-то поработал ластиком по рисунку. Ничего не понимаю, но продолжаю:

Растет, растет
Возле дома калина
Растет, цветет
Да у всех на виду
Живет, живет
В этом доме Галина
А я никак все туда не дойду
Живет, живет
В этом доме Галина
А я никак все туда не дойду

На голове полным-полно волос седых
Да кружит злое вороньё
Видал я женщин – умных, сильных, молодых
Да не похожих на неё
Промчались годы молодые ну и пусть
А наше счастье ещё будет впереди
Ноя вернусь, я обязательно вернусь!

Ты только жди! Ты только жди!

Пою и вижу: улыбки на лицах появились снова, взгляды потеплели, как будто люди услышали нечто важное, нечто совершенно необходимое.

Растет, растет
Возле дома калина
Растет, цветет
Да у всех на виду
Живет, живет
В этом доме Галина
А я никак все туда не дойду
Живет, живет
В этом доме Галина
А я никак все туда не дойду¹⁰

Прозвучал последний аккорд, песня закончилась, и... повисло молчание.

– Что-то не так? – осторожно спросил я.

– Юра, это Гриша Пешков песню сочинил? – спросила Кривенчиха.

– Нет, а что?

– Дак это, песня-то про него, и Галю Соколову. Ну, сейчас

---

¹⁰ Слова С. Роева, музыка Л. Василёк.

она Галина Антоновна, учительницей в залининской¹¹ школе работает, а Гриша всё на пароходе по морю плавал, теперь на Севере обретаётся, а нынче вот в отпуск приехал. Как тот гадёныш, чтоб у него язык отсох, Гале наврал, что Гриша в армии себе нашел зазнобу, так она ему отворот-поворот дала. Галя гордая и Гриша гордый, лет пятнадцать прошло, без малого, а они так до сих пор они и не помирились.

– Только, Юра, ты в песне приврал немного: не растёт у Галины Антоновны калина, и не росла никогда. Сирень у неё. – попрекнула Юрия незнакомая баба.

– Ну что ты, Пална, придираешься! – заступилась Кривенчиха – Ежели сирень, то нескладно будет. А калина-Галина складно.

– И то верно – согласилась Пална – ты молодец, Юра. А калину я Галине Антоновне завтра же отнесу, сама и посажу чтобы всё взаправду было. Только боюсь, а примется ли калина-то? Всё-таки не весна сейчас и не осень.

– От, то правильно, Пална. Я тебе тоже подмогну. Мы калину с большим комом земли выкопаем, да потом поливать будем щедро, вот она и примется как надо. А ты, Юра, спой нам ещё раз эту песню, уж больно душевно у тебя выходит. И Леночка играет, как ангел спивает.

---

¹¹ Залининская – расположенная за железнодорожной линией, в другой половине посёлка (местный термин)

ПГТ Троебратский, 8 утра.

Утро началось традиционно: кто-то тащил меня с дивана за ногу. Лгаться я не стал, глаз открывать тоже. Просыпаться тоже не хотелось.

– Кто там? И чего надо, злодей?

– Юра, вставай скорее! – услышал я голос Ленуськи.

– Зачем?

– Юра, я придумала, что мы сегодня будем делать.

– Что?

– Ты мне и маме сшил сарафаны, а папа и ты остались без обновок. Это несправедливо.

– Ты хочешь мне и отцу сшить сарафаны? Не знаю, как батя, а я в сарафане ходить не буду. Отказываюсь.

– Причём тут сарафаны?

– При том. Мужики в сарафанах на ходят.

– Юрка, ты меня не путай. Я придумала, что ты сошьёшь себе и папе джинсы, а если получится хорошо, то твои я себе заберу.

Я всё-таки упал с дивана. Трудно не упасть, когда тебя корчит от смеха.

– Только покорми меня завтраком, хитрюга-эксплуататорша.

– А всё готово. Яичница, бутерброды и какао.

– Но сначала умоюсь.

– Держи свежее полотенце.

– Ленуська, ты, когда проснулась, чудо?

– Вместе с мамой. Я как придумала про джинсы, так сразу и проснулась. С мамой посоветовалась, она согласна. И папа тоже.

– Ничего не получится. Денима осталось разве что тебе на юбку.

– Мама так и сказала, и дала деньги. Юбку, я согласна, тоже сошьёшь

– Сколько денег дала мама?

– Сто пятьдесят рублей.

– Ох, ничего ж себе!!! – Я был нешуточно потрясен: зарплата матери была ровно семьдесят пять рублей, и она за просто отдала двухмесячную зарплату...

– Ленуська, неужели мама так верит в мои способности?

– Ага! Мама сказала, что если бы не видела, как это ты шил, то подумала бы, что шил портной из городского ателье. А папа сказал, что на хорошее дело денег не жалко, и чтобы я у тебя училась, вот.

– Да, Ленусик, такое доверие надо оправдывать. Значит так: нужно срочно найти луковую шелуху.

– Зачем искать? В кладовке висит лук, сколько надо – я надеру.

– Отлично.

– А зачем тебе шелуха?

– Как бы объяснить... Ты ведь видела фирменные джин-

сы?

– Конечно, и даже примеряла.

– Помнишь, какие там использованы нитки?

– Помню. Внутренние швы обметаны красной или желтой ниткой, а наружные прошиты такой желтой... нет, красноватой... В общем, такой рыжей ниткой.

– Правильно. Вот, чтобы добиться такого цвета мы будем варить нитки в луковой шелухе.

– Как яйца на пасху?

– Точно.

В магазине я обратил внимание на плотную хлопчатобумажную ткань защитного цвета. Сейчас её называют диагональ. Вспомнилось студенческое время, когда я, ещё в бытность Леночкой, шила на заказ всякие модные вещи. Почему бы не побаловать любимую сестренку, которой дважды обязана жизнью: первый раз, когда она спасла жизнь Бобрику, и он составил счастье Елене Ивановне, а второй раз – уже самой Елене Ивановне, но уже в теле Юрия.

– Ленуська, а как насчёт платья-сафари?

Взгляд Лены приобрел выражение почти молитвенного обожания:

– Очень!

– Ну, тогда кроме денима берём и хабэшку цвета хаки. Заодно и начнём твоё обучение портняжному искусству.

– Правда, Юра?

– А то! Но будет одно условие: не ныть и стойко терпеть мои поучения.

– Да хоть палкой бей, только научи!

Кроме тканей набрали люверсы, застёжки, пряжки и прочую фурнитуру. В книжном магазине купили рулончик миллиметровки, в хозяйственном магазине – брезентовые вожжи и кожаные крылья для седла. Уже на выходе из магазина Ленуська очень почтительно поздоровалась с рослым плотным мужчиной:

– Здравствуйте, Жумагалей Ахмедович!

Я тоже приветствовал мужчину.

– Здравствуй, Лена, здравствуй, Юра – приветливо отозвался мужчина. В голове у меня включился сигнал «Это же директор школы»!

– Жумагалей Ахмедович – осторожно обратился я к директору – можно задать вам вопрос?

– Пожалуйста.

– Видите ли, мы с друзьями решили создать музыкальную группу, и нам было бы удобно репетировать в школе. Мы надеемся, что сможем представлять нашу школу на различных конкурсах.

– Интересная мысль. Я, пожалуй, соглашусь. Но нужно будет послушать ваш репертуар. Сами понимаете, что ваш возраст не позволяет вам исполнять некоторые песни.

– Мы это прекрасно понимаем, Жумагалей Ахмедович. Обязуюсь все новые композиции согласовывать с Вами или

с тем, кому вы поручите курировать нашу группу.

– Серьёзный подход, Юрий. Чувствуется, что взрослеешь. Актёрский зал вам подойдёт? Там есть будка киномехаников, где можно будет хранить инструменты и гримёрная.

– Отлично! Спасибо Вам, Жумагалей Ахмедович! А когда мы сможем к вам подойти?

– Зачем тянуть время? Я сейчас иду в школу, а вы можете после обеда подойти с инструментами. Я думаю, коллегам будет интересно вас послушать.

Директор приветливо кивнул и отправился дальше, а Ленуськи смотрела на меня как на инопланетянина:

– Юрка! Ты точно сумасшедший!

– Что опять не так?

– Юра, это же целый директор школы, а ты с ним разговариваешь как с папой!

– Ленуська, да не волнуйся ты так. Во-первых, я говорил с директором уважительно, он действительно очень достойный человек. А во-вторых, для всей школы он является как бы отцом. Ты не согласна?

– Да ну тебя, всё-то ты на правильную сторону вывернешь. Побегали, надо ещё ребят собрать, они-то ещё не знают, что им придётся петь перед самим директором.

В актовом зале школы, на низенькой сцене, разместилась новаявленная группа. Первый в жизни худсовет – это серьёзно, поэтому девочки отчаянно трусили, а мальчики стара-

лись делать это незаметно. Один я излучал оптимизм и спокойствие, что немудрено, с моим-то опытом:

– Ребята, самое страшное, что с нами может произойти – это неодобрение со стороны директора. Но он может не одобрить только плохие или глупые песни, а у нас таких нет, согласны?

Ребята судорожно покивали.

– Смотрите дальше: может не понравиться манера исполнения или уровень мастерства. Но в этом случае нам просто укажут на недостатки, и посоветуют, как их исправить. В конце концов, он понимает, что мы только что начали репетировать, и просто не отработали песни как следует. С этим тоже согласны?

Снова судорожные кивки, но напряжение на лицах поменьше.

– Значит так: первой солирует Ленуська, с песней «Всё только начинается». Напоминаю: последний куплет не поёшь, мы потом его немножко переделаем, а пока, вместо него поёшь первый куплет. Остальные друженько, но вполголо-са подтягивают.

– Вторым будет Кайрат с «Атамекен»¹². Главное, не торопись, Кайрат! Поёшь протяжно, напевно, с лаской. Ну, ты помнишь! В том месте, где у Кайрата проигрыш на домре, все замирают, только Ленуська аккомпанирует на баяне, но еле слышно. Валера поддерживает на варгане, и тоже

---

¹² Слова К. Мырзалиев, музыка Е. Хасангалиев.

тихо-тихо. Если получится голосом поддерживать мелодию, это только на плюс.

Кайрат, Валера и Ленуська чутьочку оттаяли: конкретная задача поставлена, стало полегче.

– Третьим будем я и Фая с «Галиной». Фаечка, ты вступаешь вторым голосом в припевах.

– Хорошо – согласно кивнула Фая.

– И завершает Оля с «Родимой школой». Оленька, твоя задача: во время пения делать наивные глаза, а голос должен звучать ласково и трогательно. Примерно так, как он звучит, когда ты отпрашиваешься у мамы в кино на последний сеанс.

Оля смешливо фыркнула, ребята заулыбались. Ну, слава богу, оттаяли, теперь бы директор не задержался. Как раз в этот момент директор и появился, да не один, а вместе с тремя учителями, Я ещё не знаю их имена, надо разузнать и запомнить, а то потом будет очень неловко. Ну да Ленуська, мой верный информатор, подскажет. Я мысленно погладил себя по голове за то, что догадался выставить ряд стульев перед сценой, их хватило на всех, и даже остались пустые.

– Дорогие наши учителя! Представляю вам новую музыкальную группу, которая, как мы надеемся, станет лицом школы на различных мероприятиях и конкурсах, как на нашей малой родине, так и в более удалённых местностях нашей необъятной Отчизны. Прошу учесть, что наш репертуар ещё очень ограничен, его не хватит на полноценный концерт, но мы работаем. Итак, первым номером прозвучит пес-

ня «Всё только начинается».

И пошла работа. Ребята старались, играли и пели с душой, впрочем, отсутствие опыта и сыгранности ощущались в полной мере. Но учителя принимали песни благосклонно, а припев «Течет ручей» и «Галины» даже подпевали.

– Ну что, дорогие коллеги, не зря я вас оторвал от домашних дел и во время отпуска позвал на прослушивание? – обратился к учителям директор, а в ответ послышался хор похвал в адрес, как ребят, так и самого директора. А тот всё гнул свою линию:

– Как вы считаете, достойны ли ребята звания школьного вокально-инструментального ансамбля?

Учителя опять зашумели в смысле «если это не помешает учёбе, то почему бы и нет».

– И последний вопрос: ребята, а как вы назвали ваш ВИА?

Ребята начали озадаченно переглядываться. Действительно, о такой важной вещи как название коллектива, они и не подумали.

– Знаете, Жумагалей Ахмедович, мы почему-то не придумали названия. Упустили из виду. Может, вам что-то пришло в голову?

– Даже не знаю... – озадачился директор – с одной стороны название должно быть близким к школе, а с другой, оно должно быть ярким, броским.

– И понятным на разных языках без перевода, всё-таки живём в многонациональной стране – дополнила одна из

учительниц.

– Может быть «Ария»? – поколебавшись, предложил директор.

Мне сразу вспомнилась группа «Ария» из его будущего. Отличная, между прочим, была команда.

– Замечательно, отныне мы будем зваться «Вокально-инструментальный ансамбль «Ария»» – подытожил я – Ребята, вы согласны?

Возражений, естественно, не было. Было отчётливо видно, что директору очень приятно, что его название ребята приняли сразу. Он попрощался и вместе с учителями отправился по своим делам, напоследок вручив мне ключи от актового зала и гримерки.

– Ну что, дорогие участники ВИА «Ария», вы довольны? У нас теперь есть шикарная репетиционная база, теперь дело только за художественным руководителем и собственными усилиями. Геныч, ты сможешь в следующий понедельник пригласить Ирину Сергеевну? Надо ей с нами познакомиться, а если мы ей понравимся, то и с директором школы.

– А зачем с директором? – спросил Гена. Теперь он смотрел на меня не как на своего ровесника, а как на взрослого. Чувствовалось, что он удерживается от того, чтобы обращаться ко мне на «вы».

– Очень просто, Геныч. Если она согласится с нами работать, то это нужно будет как-то оформлять, а тут уж без администрации не обойтись. Но загадывать не будем, сейчас

разбегаемся по домам, собираемся завтра к девяти часам. Я завтра представлю вам ещё несколько песен, будем репетировать.

Дома, после обеда, я приступил к обучению Ленуськи основам кройки.

– Начнём с простого. Для начала мы сконструируем и сошьём бейсболки для тебя и меня. Тащи, Ленуська, метр, будем мерять окружность твоей и моей голов.

К вечеру Ленуська уже щеголяла в бейсболке собственного производства. Разумеется, она не утерпела, и помчалась хвастаться к Гене, а с ним и с Фаей отправились в кино. А после кино все трое, под моим руководством, выстраивали выкройки джинсов. Провозились бы до полуночи, а то и до утра, но мать разогнала Гену и Фаю по домам, а меня и Ленуську спать.

ПГТ Троебратский, 7.40 утра

Опять тянули, и опять за ногу.

– Ленуська, мелкая вредная зверушка! – не открывая глаз, бурчу я – Отстань, я ещё сплю.

– Юра, вставай, там к тебе пришли! – Ленуська была крайне серьёзна.

Я сел на диван и потер лицо ладонями.

– Что случилось, Ленуська?

– Юра, там Пешков Алексей Максимович пришел, тебя спрашивает.

– КТО? ГОРЬКИЙ?

– Какой Горький?

– Алексей Максимович...

– Дурак ты! Забыл, что ли, это отец Гриши Пешкова, про которого ты песню сочинил.

– А, – я сразу вспомнил украденную песню «Галина», и понял. – Ну, давай я оденусь, нехорошо взрослого человека задерживать.

Быстренько натянул штаны, накинул рубашку и вслед за Ленуськой выскочил за ворота. На скамейке нас ожидал крепкий мужик лет пятидесяти в выходном костюме, при орденах и медалях. Даже галстук был повязан, правда, не слишком умело, да и сидел он кривовато, но видно было, что мужик одевался тщательно, как на парад.

– Здравствуйте, Алексей Максимович!

– Здравствуй, Юра. Я ведь зачем пришел, услышал, что ты про Гришку моего песню сочинил.

Мне стало нестерпимо стыдно. Я-то спер песню безо всякой задней мысли – просто потому, что песня хорошая, а ситуация в ней описана самая жизненная. Кто же мог предположить, что песня так попадёт в точку? Но отпираться глупо, да и человек может обидеться.

– Ну, – нейтрально отвечаю – в общих чертах...

– Юра, а спой мне эту песню? Я и аккордеон принёс для этого. – и Алексей Максимович поставил на лавку футляр с аккордеоном, до того прикрытый плащом.

– Ленуська, ты с аккордеоном разберёшься?

– Извините, Алексей Максимович, я лучше на своём баяне. Понимаете, лучше играть на знакомом инструменте.

– Понимаю, конечно. Даже простую стамеску надо в руках подержать, допрежь к работе приступать.

Я быстренько принёс баян, и устроившись на скамейке, Ленуська заиграла. Я запел:

Ходил по свету, колесил я много лет

А счастья так и не нашел...

Алексей Максимович слушал, задумчиво покачивая головой.

– Юра, – сказал он, когда песня закончилась – спасибо.

И, правда, песня про Гришку и Галочку. А я должен тебя наградить.

– За что? – я был действительно поражён.

– По-твоему, может и не за что, а, по-моему, есть. Тут такое дело: вчера с утра пришли ко мне на двор Кривенчиха с Палной, да не просто так, а с тачанкой, а в тачанке два куста калины. Разбудили они Гришку, и чуть не за руку повели к Галочке мириться. Мол, если такая песня про них сложена, то пусть всё счастливо кончится.

– И что?

– Ну что? Бабы ведь не успокоились, пока не заставили Гришку с Галочкой помириться, да своими руками ту калину в палисаднике посадить. А потом пошли мои детки в ЗАГС, заявление подавать.

– Как романтично! – всхлипнула Ленуська.

– Наверное. – кивнул Алексей Максимович – Я-то таких слов не знаю, потому как простой мужик. Хорошо получилось. Через две недели будем свадьбу справлять.

– Поздравляем!

– Вот я пошел по народу, приглашать на свадьбу, а первым зашел к вам. Батьку и матушку ваших я отдельно приглашу, всё одно, по дороге, а вас сейчас приглашаю.

– Извините, но нам, вроде бы, не по возрасту – возражаю я.

– Молод ты ишшо, понимать в каком возрасте человек взрослым становится. – усмехнулся Алексей Максимович –

Помню, на войне ребята в десять-двенадцать мужиками становились. А вы с родителями обязательно приходите. Я вас, детушки, на первый стол, впереди многих взрослых и начальных посажу. Потому как заслужили. А если ещё споёте на свадьбе – благодарен буду без меры. Но это если сами захотите.

– Спасибо за приглашение.

– И примите от меня, Галочки и Гриши подарок. Инструмент непростой – я его с фронта привёз, мне его немецкие коммунисты подарили, когда мы их в феврале сорок пятого, из поезда смерти освободили.

– Что Вы, Алексей Максимович, мы не можем принять такой дорогой подарок! – воскликнула Ленуська – Он же столько денег стоит!

– Подарок дорогой. – обстоятельно пояснил Алексей Максимович – Потому что от души. Вот как мне подарили, так и я вам. Сам я играть уже не могу, потому как суставы на пальцах стали распухать, а вам пригодится, с такими-то песнями. А деньги я вам и не предлагаю, нет. Певцу нужен инструмент, вот вы его и получите. Договорились? И родителей я предупрежу.

Он открыл футляр, Weltmeister Sibylla Brand засверкал на солнце зеленым перламутром облицовки, и Ленуська как сомнамбула дрожащими руками потянулась к аккордеону:

– Боже, какой прекрасный инструмент! «Вельтмейстер»!!!

– Я как погляжу, хозяйка для инструмента нашлась. – улыбнулся Алексей Максимович – Ну, доброго дня вам, ребята, и ещё раз спасибо.

В актовом зале чудо как хорошо: верхние форточки были открыты, и ветер гулял под потолком. Бесшабашные воробьи запрыгивали в форточки, прыгали на нешироком прилавке раздаточного окна, что на противоположной стене от сцены, и быстро вылетали обратно: что им делать в пустом зале? Вот когда заработает буфет, и появятся неизбежные крошки... А пока рано. Впрочем, на воробьёв люди, находящиеся в зале, не обращали ни малейшего внимания. Я представил песни «Дождь», «Обручальное кольцо», «Прекрасное далёко» и «Дальние моря», причём последнюю песню я приписал Ленуське. Ленуська запыхтела, но промолчала – оставила разборки «на потом», тем более что песенка ей понравилась, а Гена вообще пришел в восторг.

– Слушай, Юра, а почему у тебя так стали получаться песни? – обратился Кайрат – Ты нашел какой-то секрет, или у тебя открылся бешеный талант?

– Знаете, ребята – задумчиво говорю я – секрет, на самом деле прост. Берём мелодию, и мысленно дробим её музыкальные фразы, а фразы на такты. Затем подставляем на место тактов слоги, чтобы из них получились слова и целые предложения. Таким образом, на месте музыкальной фразы появляется строчка.

– Не совсем понятно, поясни на примере. – попросил Кайрат

– Да пожалуйста. – я беру в руки гитару – Вот, к примеру, берём песню «Дождь». Я пою с одним текстом, акцентируя слоги, а вы мысленно их про себя проговариваете:

Дождь, дождь на окне дробиться
Дождь, дождь в сердце мне стучится
В дождь, в дождь – душа ночная птица
В дождь, в дождь – грезит об одном
Вся листва спешит под ливнем умыться,
Вся трава спешит под ливнем напиться
А в ночной тиши смелое сердце
К ней стремиться одной
Были ливни мне на встречу, на встречу
Обними меня покрепче, покрепче
Путь к любимой тобою помечен
Проводи к ней домой
Дождь, дождь раскрасил спящий город,
Дождь, дождь смысл жару и холод
Дождь, дождь, а я влюблён и молод
Дождь, дождь, этой ночью друг мой
Дождь подольше будь со мной.¹³

---

¹³ Автор музыки Бернд Симон, а что до слов... я знаю не менее десяти вариантов песни, два из них приведены тут же. (Здесь и далее прим. автора)

– Что мы слышим? – продолжаю лекторским тоном – А слышим мы вполне нормальный медляк. Теперь споём её с немножко другим текстом, пародийным. Заранее предупреждаю, что слова списать никому не дам. Знаю я вас, хулиганов. Итак, слушайте:

Пьем, пьем – а воно нэ лизе,
Пьем, пьем – пузо не зализне,
Пьем, пьем – а воно всэ мало,
Пьем, пьем – закуси нэ стало...
Послали Льюху до гастроному,
Щоб вин прынис нам кубынського рому.
Ми того рому понапылыся,
Да яко свыни спати уяглися...
Спым, спым – а воно нэ спытсья,
Спым, спым – в животи – крыныця,
Спым, спым – пузо пидпыраем,
Спым, спым – чую: кум рыгае...¹⁴

Допеть песню мне не дали: в зал вошла завуч, и с трудом сдерживая смех, погрозила пальцем:

– Юра, не хулигань! Что это за выходка?

– Извините, Любовь Николаевна! – делаю честные глаза – но я всего лишь привёл пример, как на одну и ту же мелодию

---

¹⁴ Одна из десятка известных мне переделок этой песни. Кстати, самая приличная.

можно положить разные тексты, с одинаковой ритмической основой.

– Ты должен был привести пример поприличней! – строго указала завуч. – Учти, если ещё так нахулиганишь, мне придётся поговорить с твоей мамой.

Под мои уверения, что всё будет прилично, завуч ушла. Впрочем, недалеко: в коридоре, напротив раздевалки спортзала, в кабинете медсестры сидели свободные сотрудники школы – им было любопытно послушать новые песни.

– Ладно – обращаюсь к ребятам – с примерами всё понятно? Тогда вот вам домашнее задание: возьмёте любую мелодию, и положите на неё новые слова. Какие слова – это уже ваша проблема. А сейчас репетируем песню «Дальние моря». Солируют девочки. Девочки, возьмите текст. Взяли? Ваша задача: каждая поёт по две строчки. Последние две строчки запева поёте втроём, а припев поём все хором. Что, очередность? Ага! Первая поёт Оля, вторая Ленуська, последняя Фая. На последних двух строчках, девочки, нужно чтобы голос Фаи звучал отчетливее. Второй куплет поём так же. Поехали!

Выше птицы, выше неба затаилась мечта,
А еще бы мне бы, мне бы, чтоб со мной ты был всегда.
Я по улицам слоняюсь, я дождейки ртом ловлю.
Солнцу, ветру удивляюсь, это счастье берегу.
А весною небо шире, словно в море острова.

Дважды два да не четыре, только кругом голова.
То бывает, не бывает – вот такая вот нынче я.
Я куда-то уплываю прямо в дальние моря,
Дальние моря.

Дальние моря острова
Никуда, никуда не денутся от меня
Дальние моря острова
Никуда, никуда не денутся от меня¹⁵

***

Для матери я сшил платье-сафари цвета хаки, с широким брезентовым поясом, украшенным чеканными бляшками с изображением зверушек. Ленуське такое платье было уже сшито, и теперь она невыносимо страдала: платье она решила надеть в день рождения, а до той поры оно висело в шкафу. Лучших времён ждали и джинсы. Я только потихоньку посмеивался, глядя на Ленуську, не забывая обучать её основам кройки и шитья. Ученица попалась толковая, заинтересованная, так что понукать её не требовалось. Наоборот, Ленуська старалась изучить предмет до самых тонкостей, и даже без напоминаний завела толстую тетрадь, куда записывала всё то новое, что узнавала.

Для отца решили соорудить целый комплект: джинсы и джинсовую куртку, а к ним просторный жилет цвета хаки,

---

¹⁵ Исполнители «Иванушки International»

со множеством накладных карманов и с тонким капюшоном, спрятанном в кармане на загравке.

Вечером опять собрались соседи, и меня с Ленуськой пригласили «спивать». Выйдя за ворота, мы сразу оценили уровень завоёванного авторитета: для нас с Ленуськой кто-то из соседей не поленился, принёс стулья. Впрочем, зрители и себя не забыли: шпалы, лежащие у забора, положили на чурбаки и накрыли их полосатыми домоткаными ковровыми дорожками. На скамейках и шпалах разместилось с десятков баб, а семеро мужиков переместились поближе и подпирали штакетник палисадника.

– Что хотите услышать, дорогие соседи? – интересуюсь я, легонько перебирая струны своей гитары...

– А давай, Юра, нашу, сибирскую песню сыграем. – предложила Кривенчиха.

– Это какую?

– Да ты помнишь! – помогла подруге Пална – «Это было давно, лет семнадцать назад».

– Ленуська, помнишь мелодию?

Ленуська развернула баян, и мелодия полилась:

Это было давно, лет семнадцать назад,
Вез я девушку трактом почтовым,
Круглолица, бела, словно тополь стройна
И покрыта платочком шелковым.

Заводила Пална. Голос у неё от возраста стал глуховатым, но пела она с большим чувством. Бабы слаженным многоголосьем подхватывали её запевы, а мужики вполголоса поддерживали.

Перед смертью она рассказала мне все:
Далеко из тюрьмы убежала.
За Советскую власть, за рабочую кровь
Своей жизнью она рисковала.

Посмотрите, вдали холм высокий стоит,
Холм высокий, покрытый травой,
А под холмиком тем красна девица спит,
Что взяла она песню с собою.¹⁶

Закончилась песня, растроганные слушатели вздыхали.
– Мда... – вздохнула Пална – А мой дед знал того ямщика, про которого песня. – она гордо обвела взглядом слушателей – Дед мой жил под Минусинском, там в царское время много было ссыльных. А та девушка, как дед мой говорил, видно из народовольцев была, прямо как старший брат Ленина, вот её казаки-то сразу и застрелили, потому что боялись. Отчаянной храбрости, надо полагать, была девушка. Ох, жаль, что имя её не сохранилось.

Народ принялся припоминать и обсуждать песни, напи-

---

¹⁶ Я знаю восемь вариантов этой песни как народной.

санные о реальных людях и событиях.

– Юрик, а давай про панфиловцев споём. – попросил один из мужиков. У нас многие отцы от Москвы до Берлина прошли. Многие в Панфиловской дивизии воевали.

Кружилась в поле злая осень,
Шумела поздняя листва.
Их было только двадцать восемь,
А за спиной была Москва.

На них чудовища стальные
Ползли, стреляя на ходу
“Так защитим Москву, родные!” –
Сказал гвардейцам политрук.¹⁷

– А вот ещё есть хорошая песня, «Огней так много золотых» – подала голос соседка Галя Цаплина – давайте споём, а?

Спели эту песню, потом «На улице дождик»

На улице дождик, с ведра поливает,
С ведра поливает, землю прибивает.
Землю прибивает, брат сестру качает,
Ой люшеньки, люли, брат сестру качает.¹⁸

---

¹⁷ Слова и музыка А. Софронов.

¹⁸ Слова и музыка народные

– Юра, а сыграй нам что-то повеселее – попросила Кри-
венчиха – да и отпустим вас, а то Таюшка наша, ваша мама,
хмуриться начала. Вам спать пора, а мы ещё посидим.

– Хорошо. Мы тут готовим песню к школьному утренни-
ку, думаю, что и вам понравится. Петь будет Ленуська, у неё
голос подходящий. И мы исполнили «Крылатые качели».¹⁹

---

¹⁹ Слова Ю. Энтин, музыка Е. Крылатов.

Три дня спустя. ПГТ Троебратский, 6.50 утра

Приснилось мне, что роскошная женщина с выдающимся бюстом одарила меня ошеломляющим поцелуем. И только я собрался ответить ей на страстное лобзание, как женщина мяукнула, захихикала и... пришлось открывать глаза. На подушке сидел Мурзик, и с энтузиазмом лизал мне нос, одновременно придерживая лапой слегка шевелящуюся крысу. Это он мяукал. А хихикала, глядя на такое великолепие, вредная Ленуська.

– Мурзик, ты, конечно, молодец, что ловишь крыс, но таскать их мне в постель запрещаю. Понял?

Удивительно, но кот понял. Мурзик забрал свою крысу и потащил её к выходу.

– А ты чего хочешь, вредное создание? Мурзика с крысой ты наверняка специально запустила?

– Как тебе не стыдно, Юрочка на любимую сестрёнку такую напраслину возводить! – затарахтела Ленуська, но я её прервал:

– Ладно отпираться, врушка. Я тебя всё равно очень люблю, а потому всё прощаю. Чего разбудила, сестрёнка?

– Там мама заставляет папу надеть на работу его рабочий костюм, который мы с тобой шили, а он упирается. Пошли

быстрее! Папа только тебя и послушается.

– Сомнительно, конечно, но пошли.

Я натянул выцветшие синие трико, майку, некогда бывшую голубой, и босыми ногами пошлёпал к родителям.

– Да не буду я этот костюм надевать! Вот на праздник какой, хотя бы и на Леночкин день рождения наряжусь, а на работу надо идти в рабочем. – упирался Владимир Алексеевич.

– Не болтай глупости, Вова. Дети тебе сшили одежду для работы, вот и носи на работу.

– Доброе утро, папа и мама! – объявил я себя, появляясь в дверях – О чём спорите?

– Юра, отец не желает одеваться в рабочий костюм. Хотя ты скажи, что надо одеться, как следует.

– Папа! – я немедленно включил режим обаяшки – Мама совершенно права, это рабочая одежда, и тебе её надо носить, и вовсе не потому, что она красивая, а потому что она удобная. Вот поносишь немного и убедишься. Да и Ленуська расстроится, а она знаешь, как старалась?

– А ты не расстроишься?

– Знаешь папа, я приму любое твоё мнение, но мне, как и Ленуське будет ужасно приятно, что ты будешь ходить в нашем костюме.

– Ладно. Так и быть, одену я этот костюм. Правда, мужики смеяться будут.

– Да ладно, папа, главное, что тебе будет удобно в этой

спецовке.

– Какая ж это спецовка?

– Обычная. В Америке джинсы рабочая одежда, это только последние десятилетия её начали носить разные пижоны, но от этого джинса не стала хуже. Хотя нет, вру. Стала хуже и прилично: сейчас джинсовую ткань специально делают не такой прочной, чтобы чаще покупали.

– А сам ты откуда знаешь?

– Читал.

– Ну идите. Я переодеваться буду.

– Пошли, Ленуська, чем ты меня обещала на завтрак кормить, а, сестренка?

Я приобнял Лену за плечи, и мы отправились на кухню. Там я уселся за стол, а Ленуська стала подавать завтрак.

– Пока, дети, не скучайте тут! – донеслось из коридора и хлопнула дверь. Вскоре взрыкнул мотор ЗиСа, это родители уехали на работу.

– Что сегодня будем делать, а Юра?

– Забыла? Сегодня нас будет слушать Ирина Сергеевна, Гендос обещал её уговорить.

– Точно! – подхватилась Ленуська – Ешь скорей, нам надо ещё в парикмахерскую сбегать, не могу я перед Ириной Сергеевной появиться непричёсанным чучелом!

– Ты же её не знаешь?

– Ну так познакомимся! Кончай обжираться, времени совсем нету!

Путь в дом быта опять вышел очень затейливый:

– сначала к Оле Белошевой, чтобы она приготовилась к прослушиванию, и напомнила Фае, чтобы та хорошенько нарядилась;

– потом в магазин на бугре, чтобы купить по стаканчику мороженого;

– потом в железнодорожный клуб, чтобы посмотреть какое будет кино;

– потом на вокзал, чтобы узнать... А что узнать-то Ленуська и забыла;

– потом вернуться в железнодорожный магазин, купить китайского чая;

– потом завернуть к пекарне, похрустеть крошками...

Тут, у пекарни вспомнил я это редкостное, незнакомое ребятам из других мест наслаждение: лопать свежие хлебные крошки. В пекарне имеется окно с оббитой жестью направляющей, через которое выпеченный хлеб в лотках подавали на машины-хлебовозки. Во время операции погрузки хлебные крошки сыпались на направляющую, и с неё можно было собрать несколько горсточек свежих, ещё горячих, ароматных и безумно вкусных крошек и лакомиться ими.

– Ты тут постой, – инструктировала Ленуська меня – а я наберу крошек. Ты уже большой, на тебя пекари ругаться будут, а маленьких они не так гоняют.

Я встал у угла столовой, и наблюдал, как Ленуська подошла к пекарне, поднялась на помост для загрузки машин и

скрылась за углом. Вскоре она появилась снова, страшно довольная, с бумажным кульком в руке.

– Держи! – Лена протянула кулёк мне.

– А тебе?

– А у меня свой есть. – и Лена вытащила из кармана пакетик побольше.

Блуждания продолжились:

– зашли к Фae, которая, как оказалось, живёт рядышком, и объявили ей о необходимости готовиться к прослушиванию, а то Оля такая безалаберная, может и забыть предупредить;

– вернуться к магазину, попить лимонаду;

– пробежаться к нефтебазе,

– и наконец-то, постричься, замучив мастера своими пожеланиями...

Только потом Ленуська привела меня к школе.

ПГТ Троебратский, 11.50

20.08.1970 года, четверг.

Уже привычно я открыл гримёрку, и ребята разобрали инструменты.

– Пошли на сцену, камрады?

Молча, мои друзья прошли на сцену и встали на привычные места, а я остался в зале, как-то по-новому рассматривая ребят. Что-то изменилось в них за последнее время, как-то по-иному они стали говорить, двигаться, да и взаимоотношения в группе претерпели изменения. Гена, похоже, всерьёз увлёкся Олей, а Лена, до сих пор считавшая Гену едва ли не собственностью, смотрит на это с полным равнодушием. Хотя нет, не с равнодушием, а чуть ли не с облегчением. Кайрат, с тех пор как стал участником ВИА, всерьёз занялся физкультурой, и теперь выглядит более подтянутым. Впрочем, его можно понять: теперь у Кайрата появились первые поклонницы, но он ещё не выбрал для себя пары. А хорошо смотрятся ребята! Даже на репетицию они оделись тщательно, нарядно. Фая приодета наряднее всех, с лёгким макияжем, эффектная как модель с обложки глянцевого журнала, то и дело бросала взгляды на меня, начисто игнорируя внимание Валерия.

– Подключайте и настраивайте инструменты, сейчас нач-

нём репетицию. Не забываем: сегодня важный день! К нам должна прийти наш художественный руководитель. Геныч, Ирина Сергеевна придёт, ты предупредил её?

– А я уже здесь! Здравствуйте ребята!

У стеклянных дверей стояла юная женщина, в белой блузке с короткими рукавами и яркой цветастой юбке чуть ниже колена и лёгких туфельках. Я, по давнишней привычке любителя детективов, сразу же набросал словесный портрет: рост метр шестьдесят семь – метр семьдесят, худощавого, гармоничного телосложения, талия тонкая, грудь второго размера, кисти рук красивые, холёные, пальцы тонкие, с ухоженными ногтями. Ступни узкие, изящные. Размер ноги – тридцать пятый-тридцать седьмой. Шея длинная, волосы средней длины, уложены в причёску. Лицо овальное с чуть заострённым подбородком, губы припухлые, совершенной формы. Глаза большие, серо-синие, ресницы длинные, пушистые. Косметики почти нет. Из украшений – только тонкая цепочка на шее и брошь на отложном воротнике блузки. Мдя... Удивлён, что у такой красавицы возникли проблемы вплоть до отчисления. Хотя... Скорее наоборот – проблемы говорят о высокой морали и развитом чувстве собственного достоинства.

– Здравствуйте, Ирина Сергеевна! – здороваюсь я, склонив голову, пока парни приходили в себя.

– Тётъ Ира, мы сейчас тебе покажем, что умеем! – жизнерадостно завопил Гена.

– Геннадий! – строго обрываю его – Это дома называй тётю так, как она тебе позволяет. А здесь она на работе и поэтому все её зовут по имени-отчеству, и только на Вы. Всем ясно, камрады?

Ребята закивали.

– Спасибо! – сказала Ирина Сергеевна – Вас зовут Юра?

– Совершенно, верно. Только я хочу отметить, что в нашей школе учителя обращаются к ученикам на ты. Так нам комфортней. И позвольте представить остальных участников ВИА: вот с краю стоит Ваш племянник и мой лучший друг Гена. Рядом с ним второй мой лучший друг Валера, и третий мой лучший друг Кайрат стоит с другого края. Рядом с Валерой стоит моя сестра Елена, справа от неё Ольга, а далее Фаина. Мы уже кое-что разучили, и хотим представить вам на строгий суд для последующего исправления. Вас это устроит, Ирина Сергеевна?

– Да-да, конечно.

– Разрешите предложить Вам стул.

– Спасибо, Юра.

– А теперь я поднимаюсь на сцену, и мы поступаем в полное Ваше, Ирина Сергеевна, распоряжение.

Поднимаюсь на сцену и командую:

– Начинаем с «Родимой школы», а дальше по списку, как у нас уложены листы с текстами. Поехали!

Ирина Сергеевна уселась на предложенный стул, и, достав из сумочки блокнот и карандаш, стала слушать, периодически-

ски делая в блокноте какие-то пометки. В коридоре, за открытыми стеклянными дверями столпотворение. Там собрались любопытные, на сей раз, они пришли со своими стульями. В зал они не лезут, разговаривают полущёпотом, поэтому совершенно не мешают.

Десять песен мы отыграли, делая небольшие паузы между номерами, каждый раз, вопросительно поглядывая на Ирину Сергеевну, но та невозмутимо сидела, и только кивком обозначала: играйте, мол.

Наконец закончили.

– Теперь бы мы хотели услышать Ваше мнение, Ирина Сергеевна! – обращаюсь к ней я на правах прежнего руководителя.

– А знаете, ребята у вас всё просто замечательно! – улыбнулась Ирина Сергеевна – И тексты, и музыка, и ваш настрой. Исполнение слабовато, но тут всё понятно: вы любители, незнакомые даже с нотной грамотой, поэтому всё довольно сыро. Но для начального уровня очень неплохо.

– Ирина Сергеевна, Вы возьмётесь за нас, станете нашим художественным руководителем?

– Это очень лестное предложение, Юрий, и я охотно позанимаюсь с вами до конца лета. А потом мне надо будет искать работу.

Звякнуло разболтанное стекло в двери, и все повернулись в сторону входа: там стоял директор.

– Ирина Сергеевна, а чем Вам не нравится место учите-

ля музыки в нашей школе? Дополнительными часами станут музыкальный кружок и руководство ВИА. Кроме того, я договарюсь в железнодорожном клубе, Вам дадут ставку кружководца. Соглашайтесь! Ребята, что вы молчите? Просите Ирину Сергеевну!

– Да я согласна, Жумагалий Ахмедович, не надо меня так уговаривать!

– Ну и прекрасно, пойдёмте в мой кабинет, Ирина Сергеевна, будем оформлять Вас на работу.

Ирина Сергеевна и директор вышли, а я скомандовал:

– Слышали, что сказал профессионал? Слабо мы играем! Давайте-ка порепетируем «Всё только начинается», особенно проигрыши. Поехали!

Вскоре вернулась радостная Ирина Сергеевна.

– Ребята, с этого дня я официально работаю с вами.

– Ура-а-а-а! – завопил ВИА в полном составе.

– Спасибо. Ваш репертуар я прослушала, однако, впереди у нас знаменательная дата: Первое сентября. У нас есть песня к школьной линейке?

Все взоры тут же повернулись ко мне.

– Ви хотите песен? Их-таки есть у меня! Слушайте.

И я запел песню, которую в той жизни, в теле Елены Ивановны разучивала с внучкой к линейке первого сентября:

Приветливо снова и снова
Весёлый звонок прозвенит.

Все дети на свете к урокам готовы —
Да здравствуют школьные дни!

Здравствуй, школа, здравствуй!
Здравствуй, мир прекрасный!
Самые счастливые года,
Добрые уроки и учитель строгий
С нами остаются навсегда.²⁰

– Ну, как? – спрашиваю закончив.

– Прекрасно! Именно то, что надо. – Ирина Сергеевна сразу же взяла бразды правления в свои руки – А сейчас мы займёмся работой над этой песней.

Работа началась, и мы очень быстро поняли, что Ирина Сергеевна под личиной красивой женщины скрывает свою истинную сущность – свирепого диктатора. Но... назвался груздём – полезай в кузов.

***

Ночью меня разбудил какой-то шум и треск, доносящийся с соседней улицы. Быстро одевшись, выскакиваю из дома на двор. Несмотря на ночь очень светло, и немудрено: на соседней улице полыхает дом.

– Сынок, что случилось? – высунулся из окна отчим.

– Папа, там, кажется, дом хромого Иваниенки горит.

---

²⁰ Слова и музыка И. Потехина.

– Докурился в постели, пьянь дурная! – в сердцах выругался отчим – Может, успел выскочить, беги, Юра, проверь, да возьми что-нибудь дверь ломать. А я следом пойду.

– Хорошо, батя!

Схватив топор, я побежал на пожар. У горящего дома уже суеилось несколько женщин, двое мужиков притащили с собой погружной насос, и теперь прилаживали его в колодец. Удлинителей не хватало, и один из мужиков полез на столб, чтобы подключиться прямо к проводам.

Я подбежал к пожарищу, и первым делом срубил проводку, подходящую к дому: никому не надо чтобы, когда начнут заливать водой, кого-нибудь долбануло током. Женщины тут же, без команды, подхватили палками обрубки проводов, и оттащили в сторону: для безопасности.

– Дядя Валера вышел из дома, не знаете? – спрашиваю у суеющихся рядом баб.

– Не-а, он там, у внутрих! – уверенно ответила одна из них.

Ну что делать! Бросаюсь к дверям – заперто. Ударил плечом раз, другой, дверь крепкая, даже не шелохнулась. Ну что делать, подскакиваю к окну, и в три удара выношу двойную раму: изнутри ударил дым и жар.

– Дядя Валера!

Нет ответа, хотя... вроде какое-то мычание послышалось.

Я уже собрался нырнуть в горящий дом, но сильная рука, схватившая за шиворот, остановила меня.

– Куда, Юрка! Опалишься весь, как та свинья. Дай оболью!

Обернулся. Рядом весело скалился сосед, Сашка Цаплин. Сашка такой: вечно лыбится, хотя не раз крепко получал за неуместные ухмылки. Он только на похоронах бывает серьёзным, да и то не всегда.

– Обливай.

Сашка быстренько опрокинул на меня ведро с водой, а из другого ведра достал мокрую тряпку, похожую на рванный мешок.

– А это сверху накинь. Я бы сам полез, да вишь ты, шибко маленькое окно.

И я нырнул в окно, оказавшееся кухонным. Страшно!

Четыре шага, и я оказался у двери, ведущей в большую комнату. Залу, как называют их в здешней местности. Потолок в зале уже горел, испуская жар, дым клубился под потолком. Горели телевизор, этажерка с книгами, угол стены и дальний конец дивана. Рядом с диваном лежал Валерка Ива-ниенко. Руки его были связаны за спиной, ноги связаны и привязаны к дивану, так что он не мог отползти далеко. Валерка в отчаянии дёргался, но диван стоял крепко: он ножкой застрял в щели неровного пола. Подскакиваю к Валерке, с немой мольбой глядящего на меня, и топором перерубаю верёвку, спутывающую ноги. Впрочем, с немой – это я погорячился – во рту Валерки кляп, он пытается кричать, но всё равно ничего не слышно, кроме довольно громкого мы-

чания. Ладно, кляп потом удалим, сейчас времени нет.

– Вставай, дядя Валера! – подхватываю Иваниенку за подмышки, помогая встать, но тот коротко взвыл, и обмяк в руках.

– Твою же мать! – роняю тело и смотрю на свои руки, густо покрытые кровью. – Экий ты скользкий, прямо не мужик, а рыба какая-то, но вытаскивать тебя всё равно придётся.

Снова хватаю обмякшего Валерку, и тащу к выбитому окну: путь к двери уже отрезан огнём. Твою же ж маму! Жить-то как хочется!

– Ну что там, живой Валерка-то? – крикнул Сашка Цаплин, дежурящий у окна.

– Живой. Только он раненый и связанный – кашляя от дыма, отвечаю Сашке – Держи!

Сашка подхватил тело, и помощью подоспевшего мужика вытащил. Я полез, было, следом, и тут кровля начала рушиться. Уже почти выскочил, да упавшая балка ударила меня по ноге.

– Мать-мать-мать! Больно-то как!

– Юра, сынок, что с тобой? – подбежал отчим, и подхватив меня на руки, отнёс на противоположную сторону улицы, подальше от суеты.

– Па, мне бревном по ноге попало, ушиб, наверное, сильный.

Владимир Алексеевич посмотрел на мою голень, согнутую под углом, и грустно усмехнулся:

– Ага, ушиб у тебя... Перелом, бля, дай боженька, не открытый. Лежи Юра тут, не двигайся, сейчас я машину подгоню, повезу вас в больницу.

Лёжа у забора, смотрел на тушение пожара: мужики, прибежавшие первыми, бросили шланг до крыльца до горящего дома, и теперь поливают стены и крышу. Кто-то топорами и баграми ломал и растаскивал дом, кто-то таскал воду ведрами. Я хотел было крикнуть, чтобы постарались не затоптать место преступления, но промолчал: лето, сушь, не приведи господи, огонь перекинется на другие дома. Валерка Иваниенко выжил, вот пусть сам и расскажет милиционерам о своих обидчиках.

– Юрочка, родной, тебе больно?

Это примчалась Ленуська.

– Ничего страшного, Ленуська, немного ушиб ногу.

– Ага, немного ушиб! Папа сказал, что ты ногу сломал! – и Ленуська обняв меня, зарыдала, уткнувшись в грудь.

Но тут зарычал двигатель, и подъехал «Мормон» отчима.

– Ну, как тут? Больше пострадавших не появилось? – жизнерадостно спросил отчим. Он вообще, в тяжёлой работе, опасности или драке становится весёлым – такая уж у него натура.

Такие мужики, знаю это из собственного опыта, и есть самые надёжные, преданные и верные среди всего поголовья самцов. Уж поверьте, девоньки, но рожать нужно именно от таких мужиков, даже если бог не дал своего такого, то можно

ради будущего сыночка и согрешить.

– Ленка, ты, почему здесь? Я тебе, что наказал сделать?

– Папа, я Аньку Боженко в больницу послала, чтобы она предупредила, что сейчас ты привезёшь пострадавших при пожаре.

– Лена – строго сказал отец – я тебе поручил это сделать.

– Но, папочка, а как я могла бросить Юрочку, ему же плохо?

– Очень хорошо, что ты заботишься о брате, но из-за задержки ему может стать ещё хуже.

– Папуля, Анька бежит как лошадь, вообще быстрее меня! Не ругайся, папуля, пожалуйста!!!

– Ладно! Давай грузиться. Эй, мужики, помогите грузить пострадавших!

Подошли трое мужиков, отчим и один из них полезли в кузов, а двое других стали подавать пострадавших снизу. Разместились неплохо: в кузове уже лежали два старых ватных матраса и две подушки. Ленуська тоже забралась в кузов, и всю дорогу придерживала меня и Валерку, чтобы не сильно трясло. Владимир Алексеевич ехал осторожно, медленно, но уже через десять минут он был у больницы, где нас ожидали врач, медсестра и две санитарки.

В приёмном покое я, наконец, осмотрелся: больница как больница. Чисто, стены на человеческий рост выкрашены светло-зелёной масляной краской, а выше выбелены известковой, как и потолок. Пол красно-коричневый, двери и рамы

– покрыты белой масляной краской. Пахнет хлоркой и карболкой – старыми проверенными дезинфицирующими средствами. До «Акваминола» ещё далеко, его, пожалуй, и не разработали. Но самое главное, тут создана стерильная зона, и это успокаивает. Значит, работают профессионалы.

Валеркой занялись первым – его повреждения выглядели значительно опаснее. Я лежал на каталке, меня раздевала пожилая санитарка, а за ширмой врач и медсестра со второй санитаркой занимались Валеркой. Слышно было, как Валерка скрипит зубами и матерится, а врач командует: «Срезайте одежду, да складывайте в кучу! С нею ещё милиция будет работать»!

Что там дальше делали с Валеркой, не знаю, так как меня, по моей просьбе и с разрешения врача, покатали в душевую, и помыли. По-моему, санитарка сильно удивилась: мальчикам положено смущаться перед женщинами, а мне-то чего стесняться? Я тоже женщина, хотя и глубоко внутри. И тут меня просто обожгло: а как же я буду ходить в общественные туалеты и в бани???

А, ладно, поживём-увидим.

Поместили меня вместе с Валеркой Иваниенко в трёхместной палате, на втором этаже железнодорожной больницы. Третья кровать пустовала, а потом её и вовсе убрали, поскольку милиция возбудила следствие, и допуск в палату запретили всем, кроме лечащего врача, одной медсестры и

одной санитарки. Так как Валерка был нетранспортабелен, то из Пресногорьковки уже к обеду пригнали передвижной рентген, и на нём же, заодно, сделали снимок ноги и мне.

Валерка был безнадежен: его жестоко пытали и ломали. Четыре ребра было сломано, причём осколок ребра находился в опасной близости от сердца. Коленные и локтевые суставы раздроблены, сорваны ногти на левой руке. Но лицо, при этом, было целым, даже синяков не наблюдалось. Тело же несчастного представляло собой сплошной синяк, впрочем, плохо различимый на фоне татуировок. Милицейский капитан, пришедший опрашивать Валерку, увидел татуировки на руках, попросил медсестру раздеть Валерку. Мне с моего места было не видно, что там, у Валерки на груди и животе, но капитан был сильно впечатлён:

– А дядя-то в авторитете! Законник²¹, если не фальшивый, конечно.

Капитан попытался задавать тихим голосом какие-то вопросы, но Валерка только закатывал глаза и только иногда невнятно мычал, пуская пузыри. Наконец он и вовсе обмяк, потеряв сознание.

– Больному нужно дать хотя бы несколько дней, чтобы собраться с силами. – укоризненно заметил врач, вошедший вместе с капитаном.

– Не Вы ли, Борис Иванович, говорили, что он безнаде-

---

²¹ Законник или вор в законе – титул некоторых членов преступного мира, относящихся к его элите

жен, и умрёт, максимум через неделю?

– Говорил. А сейчас вижу, что ошибся, и ему осталось, может быть, сильно меньше. В любом случае, ничего вы от него не добьётесь.

– Борис Иванович, зачем вы пацана поместили вместе с Иваниенко? Вы же знаете, что тут явный криминал? А ну как бандиты, что пытали Иваниенко, решат, что он что-то передал пацану? Поймают ведь, и запытают. Там, судя по всему, замешаны либо старые разборки, либо деньги, либо и то, и другое вместе. Немедленно переведите пацана в другую палату, и персонал предупредите, чтобы молчали о том, что они лежали вместе.

– Да они и пролежали-то полночи и сегодня полдня, да всё в присутствии врачей и медсестёр. Ни секунды наедине не оставались.

– Хорошо коли так. Но вы уж дайте указание.

Капитан ушёл, а врач вызвал старшую медсестру и распорядился:

– Юрика немедленно перевести в изолятор. Потихоньку предупреди всех, чтобы помалкивали о том, что Юрик лежал с Иваниенко: так милиция распорядилась. Если что, дело будут иметь с милицией. Ясно?

– Ясно, Борис Иванович! Только изолятор подготовить надо, там после ремонта даже кровати нет.

– Ну, так распорядись!

Медсестра ушла, и тут же в дверь сунулась чья-то голова:

– Борис Иванович, там из дистанции звонят, по нашему заказу медикаментов.

– Ох, ты ж, как не вовремя! – и врач чуть ли не вприпрыжку убежал.

– Юрок! – послышался от постели умирающего соседа слабый, но жёсткий голос.

– Да, дядя Валера!

– Юрок, сможешь добраться до меня? Важное слово скажу. Только долго не думай, у нас на круг три минуты, не больше.

– Сейчас.

Поднимаюсь, сую подмышки костыли, стоящие у кровати, и неловко (откуда взяться практике?) ковыляю до кровати Валерки и сажусь на стул.

– Чего, дядь Валера?

– Мент, что до меня тут докапывался, он не простой мусор, он волчара тёртый и крученный, видать за мной он, сука, охотится.

– Он же сказал, что первый раз тебя видит?

– Я, евать-насрать тоже много чего могу сказать, в натуре. Язык – он бля, ваще без костей. А только уработали меня не урки и не приבלатнённые жиганы²², а ментовские бивни или ещё кто там у них красной масти. Короче так: были у меня филки²³. Много. Очень много. И филки, и рыжё²⁴ и цацки²⁵.

---

²² Жиган – мошенник, пройдоха, уголовник мелкого пошиба (жаргон).

²³ Филки – деньги (жаргон)

И достались они мне по чесноку²⁶, без мокрухи²⁷ и ваще они не наши, не савецкие²⁸. Но это не твоего ума дело, меньше знаешь – дольше век. Короче. Три мелкие ухоронки я сдал шакалам, а четвёртую, главную, не сдал. Отдаю её тебе.

– Зачем?

– А ты что хошь с ней делай – хошь своей совковой власти отдай за просто так, а хошь – на благое дело употреби, вот только упаси тебя господи, в церкву не сдавай. Там гнильё почище, чем среди самых гнилых отстойных блатарей, отвечаю за базар. Ты, я слышал, песни наострился сочинять, да душевные такие, в натуре. Вот нычку-то²⁹ на такое дело и употреби. Короче: нычка в колодце. Тама костыли в стенку набиты, чтобы колодец чистить, так на пятом сверху костыле стрелка. Смотришь по стрелке, тама будет замазанная цементом дырка в кольце, разобьёшь цемент, за ним дверка. Дверку сразу не открывай, подзорвёшься. Посмотри, справа от ручки торчит гвоздик. Гвоздик пальцем притопи до основания, это чтобы мину поставить на предохранитель, а там и дверку открывай, да выгребай все, что тама лежит. Всё твоё.

– За что мне это, дядя Валера?

---

²⁴ Рыжё – золото, или шире – драгоценные металлы (жаргон).

²⁵ Цацки – в данном случае речь идёт о драгоценностях (жаргон).

²⁶ По чесноку – честно, без жульничества (жаргон).

²⁷ Мокруха, мокрое дело – убийство (жаргон)

²⁸ Савецкие – советские (жаргон)

²⁹ Нычка – тайное место, схрон, тайник (жаргон)

– За то, что человек. Ты нахера полез в горящий дом?

– Ну, бабы сказали, что ты там.

– Старая, пропитая, матершинная, блатная, нахер никому не нужная мразь. Так?

– Не так. В первую голову – человек.

– Вот тем ты от меня и таких как я и отличаешься. Вы, бля, комсомольцы и коммуняки, которые настоящие, конечно, все, сука, такие. Человек вам сука важен. За то я вас и ненавижу, за то же я вам смертно завидовал и завидую – в вас Бог живёт, в тех, которые настоящие. Ёпта, Юрок, я всё сказал, канай ложись, а не то почидают нас. Не, погоди чуток. На мои похорона может статья, припрётся поп. Такой пузатый, жопа шире плеч, а ростом он с тебя будет. Узнаешь легко: у него на переносице шрам. И пальцы в рыжей шерсти, особенно на правой грабарке. Короче: когда он начнёт гундосить свои молитвы, Христом-богом прошу, Юрок, скрести на руках и ногах пальцы накрест, чтобы его ебучие заклинания моей душе вреда не нанесли. И если заговорит с тобой, то ты, Юрок, в глаза ему не смотри ни в коем разе! Он гипнозёр, сука, даже цыганок завораживает! Лучше посылай его нахер, типа ты в евоного бога не веришь. А самое верное средство, это сунь руку в карман, да за конец держись, типа все евонные слова тебе до того самого места. Не менжуйся, в натуре, в таком деле оно не запахло³⁰. Всё, канай, ложись, а

---

³⁰ Запахло – действие в нарушение неформальных норм поведения уголовников и подражающих им людей. Другой вариант – стыдно, унижительно, ниже чье-

то я и вправду сил лишился. И это, Юрок, потом как-нибудь, помяни меня со своими комсомольцами. Ну, давай, беги!

И Валерка утомлённо закрыл глаза. Видимо длинная речь отняла у него много сил: лицо ещё сильнее осунулось, нос заострился, глаза ещё сильнее ввалились.

Я торопливо вернулся к своей кровати, поставил костыли так же, как они стояли до этого, и забрался под простыню: по жаркому времени года, одеяла лежали на прикроватных тумбочках. Прислушался: не помер ли Валерка? Нет, с противоположного конца палаты доносилось слабое, хриплое дыхание. Любопытно, что после неожиданного разговора, я не чувствовал ни малейшего волнения. Опасность? Да, осознание опасности было, но чисто умственное, не затрагивающее души. Я немного повозился на кровати, устраивая ногу в лубке, и неожиданно уснул. От волнения, наверное. Вскоре меня разбудили, и на каталке отвезли в процедурную. А в процедурной врач на пару с медсестрой, начали делать с ногой нечто очень-очень болезненное. Несмотря на новокаиновую блокаду, я тихонько скулил и плакал, стыдясь своих слёз. Вон, уркаган такие пытки претерпел, а я, комсомолец, на хирургическом столе, при хоть и местной, но анестезии, плачу.

Мне было страшно интересно, что там делают с моей ногой, но врач стоял неудобно, загораживая спиной злосчастную ногу, так что, ничего увидеть не получилось.

– А ты мужик! – уважительно сказал врач, завершив манипуляции, отирая марлевыми салфетками пот с моего лица – Когда правят кости, здоровые мужики воют, а ты только пару раз звуки издал. Силён! Слушай меня внимательно, герой: у тебя простой косо́й перелом, смещение было совсем незначительным, к тому же, без осколков. Пока полежишь у нас, понаблюдаем тебя, и, если всё будет благополучно, через недельку отпустим домой. Будешь лечиться амбулаторно. Как тебе такой план?

– Отличный план, согласен.

***

Не спится. Вчера почти весь день проспал, а вот наступила ночь, и не спится. Правда, вечером выдали таблетку ди-медрола, но я не стал её глотать. Обойдусь.

В голову лезут всякие мысли и мыслишки. Сначала путанные, потом лишние стали отсеиваться, и, наконец, во всю ширь возник вопрос: а зачем я, Елена Ивановна оказалась в теле Юрия? Есть ли какая-то цель, или её не было изначально? А может, цель должна появиться в процессе жизни?

Почти все попаданцы, о которых довелось читать мне, ставили себе целью спасение СССР. Были, правда, откровенные жулики, которые с самого начала начинали заколачивать бабло, окучивать баб, и вообще, устраиваться с полным комфортом. Хотя... надо быть откровенным, большинство «спасителей» СССР занимались исключительно тем же са-

мым. Забавно... Многословно порицая хозяев жизни советской империи за привилегии, коррупцию, высокомерие и отрыв от народных масс, попаданцы добивались для себя особых условий, раздавали и принимали взятки, свысока смотрели на простонародье и совершенно не желали быть «с толпой». Их всех угнетала советская идеология, они все возмущались ограничениями советского общества... Они желали выделяться из «безликой массы плохо одетых людей», одеваясь в банальные джинсы, и прочие стандартные тряпки пошива польских и турецких швейных фабрик. Они дружно страдали от того, что советские люди живут «хуже», чем люди на Западе.

Смешные люди! Авторам попаданческих произведений почему-то не приходило в голову, что Советский Союз, в отличие от Запада, поднимал уровень жизни ВСЕХ своих граждан. Уровень жизни высококвалифицированного рабочего или колхозника, отличался от уровня жизни директора завода не в десятки раз, а совсем немного. А повысить свою квалификацию мог любой. Более того: советская система настойчиво требовала от каждого расти в своей профессии. Рабочие, инженеры, администрация и дирекция заводов и фабрик жили в одних домах, одевались в одних магазинах, на зарплату одного порядка. Разница в уровне обеспечения начиналась с уровня райкома крупного города и обкома, но и эта разница была не в несколько порядков, а всего-то в два-три раза. Скажем, если высококвалифицированный рабочий

жил в двух-трёхкомнатной квартире, то директор предприятия в своей квартире, полученной по тем же нормам, имел дополнительно отдельную комнату под кабинет, и ни метра больше. А дом председателя колхоза или директора совхоза от домов односельчан не отличался вообще ничем! Да, имелись дачи у академиков и крупных конструкторов, но... вы их сравнивали с загородными домами современных бизнесменов даже средней руки? Не смешно? Или продуктовые пайки начальства – со шпротами, сайрой и колбасой? Точно такие же пайки выдавались и простым работягам, разве что малость пореже. Икра и крабы? А кому они были нужны? Я прекрасно помнила детство, когда нас в детском саду пичкали этими деликатесами, а дети плохо ели – надоело. Я и сейчас икру и крабов не ем.

И вообще, попаданцам, и людям в массе своей как-то не приходило в голову, что СССР они сравнивают только с самыми высокоразвитыми странами мира. А уровень своего достатка – с уровнем жизни привилегированной части населения высокоразвитых стран. Да и вообще, оценивая чужую страну по парадной витрине, по туристическим маршрутам, они сравнивали её с отечественной глубинкой, и сравнение, естественно было не в пользу глубинки. А почему бы, не прогуляться по Гарлему и арабским кварталам Парижа, и делать выводы только после этого?

Но куда важнее вопрос: а я, став попаданцем, хочу ли спасти СССР? Прислушался к себе... Нет, не особенно. СССР

развалился в силу коллективного попущения: мы все стали жадными, тупыми и равнодушными. Мы все захотели ходить в ярких тряпках, сладко жрать, ездить на иномарках, и, если всё это за чужой счёт – так пусть будет хуже тому, за чей это счёт. Лоху! Тогда мы не знали, что лохи – это все мы.

Отвратительная, крысиная психология, но к концу восьмидесятых годов, эта крысиная психология, внедрилась в большинство голов моих сограждан. Здесь, в семидесятом году, её ещё нет, хотя кое-где крысиные глазки проглядывают через глаза начальства и интеллигенции.

У меня нет возможности выйти на кремлёвских небожителей, чтобы предупредить их о грядущей катастрофе. Что ещё важнее – я не верю практически никому из высшего слоя Политбюро ЦК КПСС, просто потому что не вижу там большевиков. Есть там социал-демократы, в самом похабном смысле этого слова, есть много селюков³¹, дорвавшихся до власти, но нет большевиков. У меня нет сил бороться с системой: на службе государства сотни тысяч сотрудников КГБ, и почти поголовно руководство этой конторы – крысы. Крысами стали и многие сотрудники КГБ. Может быть, и есть там достойные люди. Конечно же они есть, и немало, но... не уверен. Не встречал. А крысы сожрут меня, едва я

---

³¹ Селюк – в какой-то мере синоним деревенщины, с той разницей, что деревенщину можно пообтесать, а селюк навсегда останется тупым, до невозможности хитрым, подозрительным, жадным и вороватым типом. Следует уточнить: у «своих» селюк не крадёт (как правило), и по возможности (но не всегда) честен с ними. Чужих селюку обманывать и обворовывать можно и нужно.

проявлю себя, причём сожрут больно, и будут жрать долго – пока не выведают у меня всё до мельчайших подробностей.

Не хочу такого: если крысы доберутся до моих мозгов, моя страна умрёт гораздо раньше, и не будет у неё никакого второго шанса, что вроде бы забрезжил к двадцатым годам двадцать первого века.

Решено: я тихонько поживу для себя, когда страна начнёт рушиться, уеду куда-нибудь на остров в Эгейском или Адриатическом море. Буду там доживать свой век... как обыкновенная ноурусская крыса, разве что не в Лондоне.

***

Уже к вечеру меня, в изоляторе, пришли проведать мама, отчим и Ленуська. Мама накинулась на меня буквально с порога:

– Ты зачем, кровопивец, в горящий дом полез? А если бы, то бревно тебе на башку сверзилось, ты подумал?

– А чего там думать, я же успел. Да и человека надо было спасти, не бросать же его? Сгорел бы заживо, в самом деле.

– Пусть бы кто другой лез!

– Мамочка, там только Сашка Цаплин был, но он такой здоровенный, в окошко не протиснулся.

– А в дверь?

– Ма, дверь была заблокирована. И вообще, мамуля, как ты можешь говорить, если сама меня учила, как надо правильно поступать.

– Ну, мало ли я глупостей говорю!

И мама обрушила на меня целый водопад обвинений во всех мыслимых и немыслимых грехах, а мне осталось только кивать и покаянно вздыхать. Мало-помалу мама иссякла, я был расцелован, облит слезами и, в конце концов, прощён.

– Ну, как ложится, как отдыхается? – иронически спросил отчим.

Я-то вижу, что за его иронией скрывается нешуточная тревога. Спасибо, батя, твоя поддержка мне очень важна! И я благодарно жму его руку. Глаза отчима влажнеют. Мать молчит, только внимательно рассматривает меня заплаканными глазами. Ленуська выглядывает из-за материнской спины, и помалкивает.

– Извините за беспокойство, мои дорогие и любимые родные. А у меня всё нормально. Доктор сказал, что у меня простой косой перелом, скоро выпустят. Максимум – через неделю.

Отчим откашлялся и сказал явно не то, что собирался:

– Тебе тут ничего не надо, сынок?

– Надо, папа. Сделай мне, пожалуйста, костыль.

– Запросто! А эти чем тебе не нравятся? Вроде бы новые.

– Видишь ли, папа, эти костыли из стальных трубок, а мне хотелось бы полегче, из дюраля. Кроме того, эти костыли подмышку, а я бы хотел с локтевым упором.

– Что это за чудо такое? Никогда не слышал.

– Ленуська, там на столе лежит тетрадь и карандаш, пере-

дай мне пожалуйста!

Сестренка метнулась к столу и передала мне просимое. Я принялся рисовать, попутно поясняя:

– Вот смотри: это телескопическая трубка, для регулировки под рост, а вот тут упор под руку. А вот это упор под локоть. Вот в этом месте трубка должна быть изогнута, ну там определитесь под каким углом: должно быть удобно держать, опираясь стоя. Ручку и локтевой упор лучше обтянуть чем-то упругим, например, пористой резиной.

– Хм... А что, умно придумал. Вот съезжу в Курган, там и сделаю тебе в лучшем виде.

– Ты на заводе будешь делать?

– Нет, на аэродроме, в мастерских, у дядьки твоего, Андрея Ивановича.

– А у них трубогибные станки есть?

– Сынок, это авиация, там есть всё.

– Прекрасно, папа! Тогда сделай ещё костыли, немного другой формы.

И я нарисовал костыль, целиком, согнутый из единой трубки, только внизу имеющий телескопический участок, для регулировки по росту. Уж на костыли-то я насмотрелась после того, как мне в той жизни поменяли коленный сустав. Вот и получается, что по части ультрасовременных для этого времени вспомогательных устройств я большой специалист. Хм... Я там внимательно рассматривала ручные и ножные протезы, так что смогу кое-что подсказать местным эскула-

пам по части их конструкции.

– Эко как хитро его надо гнуть! – восхитился отец – Ну раз надо, сделаем в лучшем виде. Чем, говоришь, надо обтягивать ручки?

– Чем-то упругим, папа, вроде вспененной резины. Ну, раз будешь делать на аэродроме, то там поспрашивай, что имеется из современных материалов. Я уверен, что тебе подскажут.

– Всё, договорились. Слушай, а ежели ты бы голову сломал, то железный череп себе придумал бы? – засмеялся отчим

– Вова, что за глупые шутки? – возмутилась мама.

– Ма, не сердись, наоборот прекрасно, что папа в хорошем настроении!

– А, – безнадёжно махнула рукой мама – Вам, мужикам, всё хиханьки да хаханьки, а если бы что?

– Ну, Таюша, не видишь, что ли, сынок наш весёлый и бодрый. Вон, костыли новые изобрёл, я завтра к главному инженеру автобазы подойду, он чертежи нарисует, может статья, даже зарегистрирует. У Юрика свой патент на изобретение будет! Не шутка!

– Да на кой ему патент, чёрту колченогому? Костылей с него хватит! Ох, вернёшься, Юрка, я тебя костылём-то отважу по пожарам таскаться! – опять заругалась мама.

Да уж, крутой у матери характер: настоящая сибирячка.

– Как на кой? А в институт будет поступать, там и предь-

явит. Профессора-то, поди, оценят, какой у нас с тобой умный сынок, Таюшка.

Я ещё раз был расцелован, облит слезами, ещё раз прощён, и родители отправились домой, а Ленуська задержалась.

– Юрочка, ты самый настоящий герой! – восторженно заявила она.

– Ну что ты, Леночка! Ничего особенного, чистый случай.

– Ничего не случай. Юрочка, а я с Генкой поссорилась. Он, дурак, ляпнул, что шитьё не мужское дело. Ну, я ему и врезала.

– Как врезала?

– Да кулаком, прямо под дых, он и скопытился. Хотел мне в ответ треснуть, да Кайрат заступился, и скрутил его.

– Ну, Ленуська, ты вся в мать! Та тоже на драку резкая. Слушай, а может Гендос прав?

– В чём прав?

– Ну... Я шью, вот давеча в горящую избу вошел, осталось только коня на скаку остановить, и совсем бабой стану.

– Юра, всё-то ты шутишь, а дело серьёзное.

– Плюнь и разотри.

– Ага, плюнь! Генка сказал, что из ансамбля уходит, и Олька Чернышевская тоже. Она в Генку втюрилась, и за ним как на прицепе бегают.

– Ленуська, как же так? У тебя с Геной было всё всерьёз.

– Да ну его, кобелину перхотного. Он же за любой юбкой

бегают, а я для него как надёжная пристань.

Мдя... Генка действительно кобель ещё тот. В той жизни Ленуська прожила с ним без малого тридцать лет, а он все эти годы не уставал бегать налево. Трижды у них доходило до развода, но каждый раз Ленуська прощала: то ради детей, то ради внуков. Может в этом мире она найдёт мужа получше?

– Ну, смотри сама. Ты знаешь, я всегда на твоей стороне. Слушай, а может, вы ещё помиритесь?

– Не-а. Я другого разглядела, вот уж парень так парень!

– Ну и ладно. Раз уж так складывается, то кем мы заменим Генку и Олю?

– Пфе! Ты знаешь, сколько ребят к нам просится? Но мы возьмём Серёжу Рыжова и Иринку Перепеляк.

– Чем они хороши?

– Серёжка классно поёт. Правда, ни на чём не играет. А у Иринки и голос хороший, правда, негромкий, и она ещё играет на скрипке.

– Ну что, прекрасно! А что говорит Ирина Сергеевна?

– Сказала, что возможно так даже и лучше. Мол, ей неудобно гонять родного племянника.

– Ну и ладно, Ленуська. Репетируйте, тебе я поручаю поддерживать дисциплину в группе, и выполнять все распоряжения Ирины Сергеевны.

***

В больнице, как и обещал Борис Иванович, я отлежал

неделю. Ежедневно ко мне приходили посетители, однажды даже пришла Ирина Сергеевна, и только Гена не пришёл ни разу. Неужели он так обиделся на меня из-за плюхи, которую ему отвесила Ленуська? Если так, то тогда и чёрт с ним, с таким обидчивым, хотя... Нет, всё-таки обидно: Бобрик с ним всю жизнь дружил, впрочем, никогда не имел никаких дел, особенно денежных.

С другой стороны, случай с Геной показывает, что моё знание будущего близких мне людей значит немного: в той жизни у Бобрика не было перелома ноги, да и Валерка Ива-ниенко благополучно сгорел, да так, что от него осталась лишь горстка костей. И Оля Чернышевская тогда не увлекалась Генкой: Бобрик рассказывал, что она всегда водилась парнями старше себя, и к концу десятого класса забеременела от ударника из челябинской группы, которая заезжала с «чёсом» в наш посёлок.

На четвёртый день моего больничного лежания приехал отчим. И привёз пять пар костылей: трое взрослых и двое детских. Тут же, оповещённый персоналом, пришёл врач.

– Ну-ка, Владимир Алексеевич, показывайте, что за чудо-приспособления вы нам привезли?

– Здравствуйте, Борис Иванович! – вставая поприветствовал его отчим – Вот для сына, по его чертежам, сделал новые костыли, надо бы испытать.

– А пять пар зачем? У Юрика только две ноги, или я ошибаюсь?

– Остальные для испытаний. Мне Давид Иосифович, наш главный инженер, сказал, что для оформления патента на вот эту пару – отчим подал врачу костыли с локтевым упором, согнутые из цельной трубки, только в нижней части имеющие телескопические удлинители – нужны натурные испытания, вот мы с Юрой и хотим вас просить испытать их и выдать отзыв.

– О, да тут пахнет научной работой? Охотно возьмусь! Но для начала покажите, как пользоваться.

– Давайте мне! – беру пару костылей, регулирую их под свой рост, и делаю несколько шагов по палате.

– Хм... А ведь действительно неплохо! – врач в восторге – Ну-ка, Владимир Алексеевич, дайте попробовать!

Борис Иванович покрутил костыль в руках, так и эдак приладился, попробовал разные регулировки под рост, и, вытянув вперёд одну ногу, резво поскакал по коридору.

– Гениально! – заявил он, вернувшись – Вместе изобрели, или один вы, Владимир Алексеевич?

– Наоборот, один Юра! – счастливо улыбаясь, ответил отчим – Я только прикинул под каким углом гнуть трубку, да ещё пару-тройку мелочей, а всё остальное сын придумал сам.

Врач подошел ко мне и пожал руку:

– Эти твои костыли очень облегчат жизнь многим тысячам людей. Спасибо тебе, Юрий.

Неожиданно для самого себя я покраснел. Проблема плагиата меня не волнует совсем, хотя бы потому, что пять моих

инициативных разработок там, в будущем, были украдены канадской фирмой, так что один канадец ответит за других, вот и все дела. А если, паче чаяния, костыли уже запатентованы, то запатентуем наконецники, амортизаторы, форму ручек и упоров... Патентное право – очень хитрая штука, надо только будет подкинуть эти мысли тем, кто будет возиться с патентами.

– Ну, это самое малое, что я могу сделать. – промямлил я в ответ.

– А что, у тебя есть и другие идеи? – сделал стойку Борис Иванович.

– Есть, и немало. – скромно сообщил я – Складные кресла-каталки, носилки-каталки, приспособления для обучения ходьбе...

– Юра, ты это всерьёз? Расскажи, что за приспособления для обучения ходьбе?

– Да всё довольно просто: вот, скажем, здесь в коридоре, под потолком крепим направляющую, типа тавр или двутавр. По направляющей пускаем тележку. К тележке крепим трос с амортизатором, а к нему подвесную систему по типу парашютной. Пациент ногами касается пола, а основную нагрузку принимает на себя подвесная система. Таким образом, люди смогут заново учиться ходить.

– Точно-точно! – загорелся Борис Иванович – Отличная идея! Разве что для спинальников подвесную систему надо проектировать специально. И я даже представляю, как.

Юрий, возьмёшь меня в соавторы? На основную идею я не претендую, а вот над разными видами подвесок поработал бы охотно.

– Буду только рад, Борис Иванович. Только если Вы не возражаете, третьим соавтором будет папа, а четвёртым моя сестра Елена. Понимаете, от меня – голая идея и наброски, от Вас создание специализированных приспособлений, от папы детальная проработка и изготовление механической части, а сестра займётся всем, что связано с шитьём. У Ленуськи светлая голова и золотые руки, и Вы, Борис Иванович, ещё не раз в этом убедитесь.

Во время моей речи отчим смотрел на меня с умилением и благодарностью: я нахваливаю Ленуську. Впрочем, Ленуська действительно замечательная девочка и помощи от неё будет очень много.

– И тут неплохо придумано. Согласен. Владимир Алексеевич, а Вы как смотрите на наш общий проект?

– Я, конечно же, полностью согласен, только не выйдет ли ущемления прав Юры?

– Не беспокойся, папа. Посмотри вот с какой точки зрения: во-первых, вы берёте на себя огромную часть работы. Разве тебе не пришлось поломать голову над деталями?

– Ну, мала-мала было.

– А во-вторых: я подросток, и меня может запросто обмануть какой-нибудь взрослый. А с вами двумя поостерегутся связываться.

– Юрий говорит очень дельно. – поддержал меня Борис Иванович – кроме того, если вы сумеете организовать изготовление пробной партии, скажем пять-десять комплектов, то я смогу через наш главк пробить апробацию в сети железнодорожных больниц. А это значит, что справка о внедрении у нас в кармане.

– Если такое дело, то я, конечно же, готов. Надо только прикинуть, на сколько у меня хватит денег.

– О деньгах, Владимир Алексеевич, не беспокойся. У меня имеются кое-какие сбережения. Хотел «Волгу» купить, да потом передумал.

И всё же, какие у нас люди! Недрогнувшей рукой кидают свои сбережения на алтарь помощи больным! Жаркая краска стыда залила моё лицо – какая же я сволочь! Люди живут работают во благо общества, а я позволил себя переформатировать, и думаю только о собственной шкуре. Нет, нужно избавляться от мерзкого мелкособственничества! Решено: все ортопедические приспособления я сделаю бесплатно, а если, паче чаяния за них заплатят – отдам эти деньги на общее дело.

А отец с врачом, не замечая моих терзаний деловито обсуждают как и что они будут делать.

Три оставшихся дня я не вылезал из ординаторской, где с Борисом Ивановичем чертил различное ортопедическое оборудование, известное мне из будущего. Кстати, выясни-

лось, что знаю я, очень даже немало, всё же опыт двух госпитализаций в хирургических отделениях не пропал даром.

– Чёрт дери! – волнуется Борис Иванович – Все эти приспособления сильно облегчат восстановление пациентов, но скажите, пожалуйста, где их производить???

Мы тогда не знали, что всё решится благополучно, быстро и легко.

***

На второй день после моей выписки из больницы, приехал мамин брат Егор. Приехал он не один, а в компании двух мужчин лет пятидесяти.

– Валерий Константинович Артосов и Петр Петрович Иванов. Главный инженер и главный технолог Омского авиа-ремонтного завода. – представил их дядя.

– Чем обязаны? – насторожилась мама.

– Дело у нас несложное, и в основном, к Юрию.

– Что не так с Юрием? – ещё сильнее напряглась мама.

– С Юрием всё прекрасно, более того: он может нам помочь в очень важном деле.

– Что за дело?

– Видите ли, друзья мои, – заговорил Валерий Константинович – имеется указание открывать на заводах оборонного значения цеха по производству товаров народного потребления. А судите сами, что может производить авиазавод? Ну не вертолёты же для колхозников, в самом деле.

Все, кроме мамы, охотно засмеялись шутке.

– Вот мы и подумали, а почему бы, не начать производить твои, Юра, костыли? Продукция очень нужная. Очень! Когда в областной клинической больнице и в окружном госпитале узнали о наших планах, нам тут же выдали заявку почти на тысячу комплектов!

– Ничего не получится – покачал я головой – костыли являются медицинской техникой, и вам никто не разрешит её производить без санкции Минздрава, а санкцию они не дадут без всесторонних испытаний. А испытания медтехники проходят лет по десять.

Пока я говорил, выражение лиц взрослых поменялось с иронически-скептического до уважительного. Мужчины переглянулись, и Петр Петрович ответил:

– Вижу, что ты знаешь специфику планирования. Но ничего Юрий, нам врачи сразу же объяснили, как обойти это препятствие. Мы будем выпускать костыли как бытовые приспособления, а для этого, в первый год требуется только ТУ³², ГОСТ³³ присваивается позднее. А там и до сертификата Минздрава доживём.

– Если так, то я с соавторами соглашусь. – заявил я.

– А у тебя есть соавторы, Юра? – удивился дядя Егор.

– Есть. Мы придумали целую линейку приспособлений,

---

³² ТУ – Технические условия. Документ, регламентирующий параметры, технологию изготовления и потребительские свойства товара, находящегося в производстве.

³³ ГОСТ –

которые вы вполне можете производить.

– Мы это кто?

– Я, папа, Лена и Борис Иванович Климов, главный врач железнодорожной больницы.

– А Борис Иванович как отнесётся к идее производства ваших приспособлений у нас?

– С восторгом. Мы недавно обсуждали возможность изготовления приспособлений за собственный счёт, а тут вы явились, как добрые ангелы.

– Вот и отлично. – обрадовался Валерий Константинович – А что там у вас ещё имеется?

– Разные виды ортопедических приспособлений, примерно пятнадцать-двадцать видов. Кроме того, можем предложить несколько видов складных детских колясок.

– Поразительно! А что бы вы хотели взамен?

– Сложный вопрос. Хотя... Если вы обеспечите наши две больницы приспособлениями в достаточном количестве, то будем в расчёте.

– Согласен. Ну и премию за разработку мы выделим для всех. А Вы, Владимир Алексеевич, что молчите, получается, что переговоры ведёт самый младший?

– Самый младший у нас Ленуська. – усмехнулся отчим – А Юра у нас мозговой центр. К тому же он до сих пор всё правильно говорил, я полностью согласен. Премию, конечно, хотелось бы побольше, но тут как бы жадиной не прослыть, сами понимаете.

Все присутствующие опять рассмеялись.

***

Уже поздно ночью, по дороге из туалета, я услышал, как отчим расспрашивал приезжих:

– При сыне было спрашивать неудобно, но всё-таки, какая будет премия?

– Выплата будет немалая, по нашим меркам – ответил Валерий Константинович – нужно ещё будет посчитать, но никак не менее пяти-семи тысяч рублей на каждого. Всё-таки почти двадцать наименований продукции, которая непременно будет пользоваться большим спросом. А ещё будут выплаты за серийное производство, не помню, сколько процентов, но тоже накапает немало.

– Это, как сказать, мужики... Ещё один человек чертежи готовил, много дельного подсказал, ему как?

– Ну, как? Я так думаю, что выплата будет в половину от авторских, а процента с серии ему не положено, уж не обесудь.

– Ага... Самое малое две с половиной тысячи... Дак это, совсем даже неплохая сумма. Завтра Давида Иосифовича порадую. Он вообще взялся помогать задарма. Говорит, мол, студенчество вспомнил, в радость ему творчеством заняться. Только не подведите, мужики.

– Ты не волнуйся, Владимир Алексеевич, не обманем. Тут понимаешь, такое дело, такой товар, он не только в нашей

стране нужен во всех больницах, а их у нас немало. А расширим производство, так и за рубеж начнём поставлять, а это уже валютные поступления, большая помощь стране.

– Вы только за рубеж не в ущерб нашим делайте! А то знаю, как на экспорт, так конфетку, а как своим – гамно на палочке.

Собеседник отчима досадливо крикнул, видимо стрела попала в цель, но ругаться не стал, а с достоинством ответил:

– На нашем заводе продукция всегда была высшего качества. Рекламации случались, не без того, но эксплуатационники никогда не были в обиде.

– Не обижайся, Валерий Константинович, ты же понял о чём я. – примирительно сказал отчим.

И я отправился спать.

***

Через день после отъезда, к вечеру, вслед за отчимом, на «козлике» ГАЗ-69, приехал носатый, с обильной сединой в чёрных волосах, мужчина лет шестидесяти.

– Здравствуй Юра, меня зовут Давид Иосифович Осетинский, я работаю с твоим отцом.

– Очень приятно, Давид Иосифович. Спасибо Вам за прекрасно выполненные чертежи.

– Это тебе спасибо, Юра! Я с таким удовольствием работал над чертежами, как будто в юность, в Бауманку³⁴ вернул-

---

³⁴ Бауманка – МВТУ имени Баумана. Один из лучших технических ВУЗов в

сы! У меня к тебе дело.

– Всё что в моих силах сделаю. – кивнул я.

– Ты сшил своему отцу отличный костюм на работу. Сшей мне тоже, не откажи старику! Я уже и ткань привёз. Заплачу – сколько скажешь, даже больше. Только чтобы и надписи были.

– Какие надписи?

– А как у твоего отца – «Троебратское АТЭП»³⁵, так же, как и у него на груди и на спине. Очень хочу на совещании в области перед коллегами покрасоваться. Пусть знают наших!

– Сошью, не вопрос. Сейчас мерки снимем, послезавтра к вечеру получите комплект: джинсы, джинсовая куртка, жилет и бейсболка. Как лучше сделать надписи: набить краской или как у отца, аппликацию?

– Юра, сделай точно, как у твоего папы.

– Как скажете, Давид Иосифович. Сразу скажу: денег не предлагайте, с вас не возьму. Договорились? Мне для хорошего человека сделать тоже в радость.

– Договорились.

В условленное время Давид Иосифович явился получать заказ. Явился не с пустыми руками: в большом бумажном пакете была коробка с пирожными и коробка конфет.

Я выложил перед ним заказ, а сверх заказа ещё овчинный

СССР и в мире. Расположен в г. Москва

³⁵ АТЭП – автотранспортное эксплуатационное предприятие.

жилет, крытый джинсой и зимнюю бейсболку, отороченную шкуркой нутрии. На всех вещах красовалась красная с белым кантом аппликация: «Троебратское АТЭП».

– Эх, Юра, не утерплю: сразу тут переоденусь. Ты не против?

– Разумеется не против. Разве что меховым вещам придётся подождать до холодов.

Посмеялись над немудрёной шуткой.

Когда наш гость переоделся, и мама его пригласила за стол, уже во время ужина я внёс предложение:

– Давид Иосифович, а почему бы вам не организовать при АТЭП цех по пошиву спецодежды? Я предоставляю выкройку, и, если надо проконсультирую персонал.

Осетинский замер с недонесённой ко рту чашкой. Потом поставил её на стол, и провозгласил:

– Клянусь, Владимир и Таисия, вы самые счастливые родители в мире: у вас такой умный сын! Юра, а ведь ты прав! У нас в АТЭП работает чуть меньше тысячи человек, всем нужна спецодежда. – тут он усмехнулся – Только предвижу, что не на работу они будут ходить в такой спецовке, – Давид Иосифович погладил свой новый жилет – а в гости и на танцы.

– Ничего страшного! Пусть ваш цех выпускает спецовку двух видов: из ткани попроще, скажем, из диагонали, а джинсовую люди будут брать по себестоимости.

– Юра, жалко, что тебе всего шестнадцать лет!

– Семнадцать...

– Неважно! Всё равно несовершеннолетний. Я тебя начальником цеха без разговоров поставил бы. Хотя... – Осе-тинский задумался на минуту и повернулся к отчиму – Влади-мир Алексеевич, ты же учился в техникуме?

– Не закончил. Год не доучился, призвали служить в ми-лицию.

– Это не страшно. Закончишь заочно. Возьмёшься орга-низовать новый цех? Юра тебе подскажет если что.

– А справлюсь?

– Без сомнений. К тому же зарплата будет больше, чем у простого водителя, да и солиднее всё же. Ты мужчина авто-ритетный, отставной офицер, старший лейтенант милиции, с персоналом справишься. Юрий, а, сколько ты думаешь, должно быть работников в цеху?

– Давайте прикинем. В АТЭП работает около тысячи че-ловек. Рядом оптовая база со своим автохозяйством, это ещё человек двести. Нефтебаза – человек двадцать-трид-цать. Элеватор – все две сотни, на железной дороге по всем отделениям, не меньше полутора-двух тысяч. Считая по мак-симуму – три с половиной – четыре тысячи человек. Спе-цовка нужна всем, разве что надписи нужно делать разные. Чтобы обшить такое количество людей, надо не меньше два-дцати швей, плюс двух-трёх закройщиков, ну и обслуга – слесаря-станочники, грузчики, кладовщик, электрик... Ито-го около сорока человек.

– Вот! – Давид Иосифович поднял палец – А ты, Юрий, не посчитал ещё сторонние заказы, от других организаций, которые повалят валом. Словом, так, Владимир Алексеевич, завтра с утра приходишь ко мне со штатным расписанием своего цеха и списком оборудования. Приказ о твоём назначении будет уже готов, вместе пойдём к директору, он всё подпишет, и работай.

– Давид Иосифович, дорогой, да откуда мне знать, что там надо из оборудования?

– А ты, Владимир Алексеевич не паникуй. У тебя вон, какой советник, он быстро тебе составит список. Кстати, Юра прав, начинать надо с малого, с двадцати швей. Заглянешь с отцом в здание, что за нашим клубом, посмотрите, как и что будете размещать. И когда будете расширяться, свободная площадь позволит.

Давид Иосифович встал и, попрощавшись, отправился домой.

– Ну, Юрка, ну подсуропил! – расстроено вздохнул отчим.

– А что, Вова, ты против, чтобы стать начальником цеха? – спросила мама.

– Не против, конечно же. И зарплата побольше, и годы уже не те, чтобы баранку крутить. Тяжеловато становится, если откровенно.

– А чего ты недоволен?

– Да сколько возни, а? Одно оборудование чего стоит? Где

его брать? А ткани? А сколько там прочего, о чём я и знать не знаю?

– Папа, сегодня мы составим список оборудования и материалов. Завтра заверишь его у своего директора, да и пойдёшь через дорогу на Оптовую базу. Только прошу тебя, сразу иди в своей новой спецовке, так сказать, предъявить товар лицом. Да они тебе любое оборудование в мгновение ока раздобудут, поскольку и сами захотят подобную спецодежду.

– Хм... А ты прав, Юра, так и сделаем.

ПГТ Троебратский, 15.50

29.08.1970 года, суббота.

Устал. Никто не смотрит что я хромоногий, никому нет дела, что я несовершеннолетний, всем что-то от меня надо. Заездили подростка, злодеи.

Директор школы поставил выступление нашего ВИА на Первый Звонок, и пригласил на него всё поселковое начальство. Понятно, что директор хочет похвастаться успехами нашей школы, и это правильно. Ирина Сергеевна нас жучит так, что только пыль столбом. Репетируем по пять-шесть часов в день, а ей всё не нравится наше звучание. Ага! Привыкла там в консерватории к инструментам от Страдивари, а у нас-то обычные дрова из Рабкоопа³⁶. И исполнители... Взять меня – руки мозолистые, пальцы короткие – куда мне до Никколо Паганини! Остальные ребята тоже. Генка оказался хитрее всех – ушел из ВИА сразу, как только нашел повод. И Ольгу Чернышевскую увёл. В железнодорожном клубе его

---

³⁶ Рабкооп – Рабочий кооператив. Кооперативная производственно-торговая сеть в Советском Союзе. Под её эгидой работали закупочные конторы, закупавшие у населения грибы, ягоды, лекарственные растения и другую продукцию. В системе Рабкоопа работали производственные и ремонтные артели, магазины, мастерские различного профиля. Очень полезная была организация. Она выстояла, несмотря на весь вред, который причинили ей Хрущёв, Косыгин и прочие троцкисты. Уничтожили Рабкооп только демократы в 90-х.

с нашими песнями приняли как родного, теперь эта парочка поёт на танцах. Виталик, руководитель клубного ВИА приходил ко мне с пивом и коньяком договариваться о песнях. Дескать, разрешу ли исполнять. И не соглашусь ли я снабжать его новыми песнями.

Я про себя посмеялся над набором из пива и коньяка, но вслух ничего говорить не стал. Бесплезно. Не о чем говорить с неасфальтированным селом. Только предупредил, что песни зарегистрированы в Новосибирском ВААПе, выпил пару глотков дерьмового пива, да и расстался с Виталиком. Неинтересный тип, нет у него будущего. Что до песен, то буду подкидывать по мере написания, почему нет? Пусть играют, с меня не убудет, и денег от них мне не надо

Вместе с Ленуськой и родителями был на свадьбе Гриши и Галины Антоновны Пешковых.

Немного возгордился: ради того, чтобы дожидаться меня из больницы, Пешковы отложили свадьбу. Расписались-то они как положено, в тот день, когда назначено, а вот гулянка дождалась меня. Посадили меня с родителями во главе стола, справа от жениха с невестой, рядом с их родителями, за что я огрѐб множество хмурых взглядов тех, кто оказался ниже. А, плевать! Главное, что Алексей Максимович, Гриша и Галина Антоновна были веселы и счастливы.

На этой свадьбе мы с Ленуськой впервые исполнили «Обручальное кольцо»³⁷ и «Мы желаем счастья вам»³⁸, а в ка-

---

³⁷ Слова М. Рябинин, музыка В. Шаинский.

честве особого подарка, Ленуська исполнила «Женское счастье» из репертуара Татьяны Овсиенко. Невеста плакала от восторга. Мы подарили молодым магнитофонную катушку со своими песнями и... спустя два часа, когда молодые решили поставить катушку на магнитофон, выяснилось, что кто-то её стырил.

Поднялся шум, подвыпившие гости уже начали, было выяснять отношения, и быть бы драке, но мы с Ленуськой вылезли на сцену и объявили:

– Уважаемые гости, а главное, дорогие жених и невеста! Не расстраивайтесь, катушку с песнями мы вам завтра принесём новую. К слову сказать, то, что запись упёрли, говорит о том, что песни хорошие. Так что, спасибо воришке, пусть у него всё будет хорошо!

– И хер у него на лбу вырастет! – добавил кто-то из толпы. Грохнул громовой хохот.

– А мы сейчас исполним дорогим молодожёнам и гостям лучшие из наших песен. С чего начать?

Поднялся дикий шум, люди требовали каждый своё. Среди шума я расслышал, как невеста попросила «Я у твоих ног», вот её и исполнил первой.

Когда мы с Ленуськой утомились, нас сменил Олег Донченко, чубатый статный гармонист, который взял на себя нелёгкую миссию музыкального сопровождения свадьбы. Народ наладился плясать, а мы с Ленуськой отправились до-

мой – мы подростки, нам пора спать.

***

Пока мы с Леной шли домой, я вспоминал невеликую историю посёлка Троебратский, или как его зовут местные жители, Троебратное. Земля эта очень древняя. Когда-то тут кочевали хунну, вскоре ставшие грозой Европы гуннами, потом они переходили из рук в руки, пока не стали частью Сибирского ханства. После включения Сибири в состав Руси, земли стали как бы ничейными. По факту эти земли принадлежали казахским племенам, а потом сюда двинулось сибирское казачье войско. На запад от него было Оренбургское казачье войско, и на тех землях как раз и развивались события повести Пушкина «Капитанская дочка». Но до Белогорской крепости, где послужил Петруша Гринёв отсюда чуть ли не тысяча вёрст, и в зону активности здешняя степь попала значительно позже.

Сначала тут появились служилые люди Сибирского казачьего войска и основали оборонительную линию из станиц и редутов. Недалеко от Троебратного, кстати, находится Пресноредуть – станица на месте одного из редутов. А вообще, здесь была оборонительная линия под названием Горькая, что простиралась от Тобола до Ишима. Почему линия называется Горькая? Наверное потому, что здесь множество горько-солёных озёр – не меньше чем пресных. Та же Пресноредуть стоит на пресном озере, вернее вокруг него, а на север-

ной её окраине есть солёное озеро.

И вот, в самом начале века, на берегу одного из озёр трое мужиков-переселенцев построили хутор. В те времена существовала правительственная переселенческая программа, и в село Нижняя Алабуга, что стоит на одноименной реке, пришло распоряжение отправить мужиков для основания нового поселения. Делать нечего, на сходе вынесли решение, и несколько семей отправилось из родных мест на юг. Сколько выехало семей неизвестно, но до места добрались только трое мужиков – остальных перебили... а вот тут мнения расходятся: кто-то грешит на разбойников, кто-то на казаков, кто-то на самих мужиков – дескать пустились в бега. Впрочем, последнее вряд ли – из Сибири далеко не убежишь. Тут расстояния такие что дух захватывает. Что до разбойников и казаков, то зачастую это зачастую не различимые понятия. Сегодня казак ловит злодеев, завтра сам выходит на большую дорогу...

Мужики, а история сохранила их имена: Чмутов, Папулов и Ермаков побратались, и основали хутор, где стали вести совместное хозяйство, что-то вроде колхоза из более поздней истории.

Советскую власть в здешних краях восприняли по-разному. Богачи и казачья старшина отвергли её, а мужики-переселенцы и беднейшее казачество приняли как родную. Но закрепиться Советская власть не успела: сначала атаман Дутов поднял мятеж, потом ещё какой-то атаман... Потом бе-

лочехи подняли мятеж, а потом пришло недолгое но кровавое время адмирала Колчака. Да... О Колчаке и Дутове даже в семидесятые годы старики рассказывали такие ужасы, что после них байки про упырей и бродячих мертвецов слушателям казались милыми детскими сказками. Так что, когда красные окончательно закрепились в здешних краях, им не было никакого сопротивления. Наоборот! Хутор Троебратский быстро стал сначала сельхозартелью, а потом и колхозом. Собственно, мужикам из Троебратного понадобилось всего-то выбрать себе председателя.

А в тысяча девятьсот пятьдесят четвёртом году Троебратное получило новую жизнь: началось освоение Целины. В короткие сроки здесь построили железнодорожную станцию, которую называли Пресногорьковская, элеватор, нефтебазу, автотранспортное эксплуатационное предприятие, то есть автобазу с впечатляющими ремонтными возможностями, торгово-оптовую базу, железнодорожное депо с полагающимися службами... А для людей, приезжающих со всех концов европейской части Советского Союза, построили две школы, три детских сада, кинотеатр, три клуба, шесть библиотек, две больницы и много чего ещё. Естественно, население посёлка увеличилось настолько, что он получил статус посёлка городского типа.

Сейчас, в семидесятом году, посёлок расцветает, ширится, живёт, но это ненадолго: вскоре резко затормозится развитие народного хозяйства страны. Скоро люди побегут в го-

рода, а деревни, сёла и посёлки вроде Троебратного начнут умирать, и многие исчезнут совсем.

***

Много времени и сил отняла организация швейного цеха при АТЭП, и это при том, что все формальности взяла на себя администрация автопредприятия и специально приехавший в посёлок инструктор райкома партии. Но хватало и других сложностей, особенно по части персонала. Женщин, умеющих хорошо шить, набралось пятнадцать человек, ещё пятеро умели шить довольно сносно. Закройщика нашли только одного, им оказался одноногий инвалид войны, промышлявший надомным пошивом. Впрочем, выяснив, что от него требуется, дядя Шурик, как представился закройщик, решительно сказал, что он со всеми делами по кройке справится один. Дескать, всего и делов, что перевести несколько единичных моделей на ходовые размеры, и этим он займётся на дому, пока не привезут и не установят цеховое оборудование.

Отчим оценил закройщика высоко:

– Не журишь, Юра. Я дядьку Шурика знаю лет двадцать, за это время он ни одного человека не подвёл. Раз обещал к концу сентября сделать все, что нужно в своём заведовании – умрёт, но сделает. Фронтовик!

К середине сентября как раз обещали первые поставки швейного оборудования, которое нам передавали из Ивано-

ва, где на швейной фабрике оборудование меняли на новейшее. Как выяснилось, нам отправляли целых два вагона добра. Честно говоря, даже не представляю, как и чем наше руководство будет рассчитываться с ивановцами, но сама скорость меня впечатлила. Вот что значит личная заинтересованность!

В общем, устал я от всего, и решил сегодня отдохнуть. На огороде между кустами смородины и соседским забором испокон веку стоит у нас чугунная кровать, с чугунной же решёткой вместо сетки. Сколько ей лет – неизвестно, но явно вещь дореволюционная, в наше время такие монстры не производятся. Помню, когда я приезжала с Бобриком в гости, мы, принеся с собой матрас, лежали тут и загорали. Славное место!

Сегодня я тоже припёр сюда матрас, и, заявив Ленуське, чтобы не будили меня до следующего лета, разделся догола и завалился загорать. Место просто идеальное: рядом с кроватью растёт раскидистый боярышник, и в его кружевной тени не обгоришь, хоть ты валяйся весь день. От двора и улицы место огорожено высокими кустами, так что ни я никого не вижу, и меня никто не увидит. Чудесно! Сначала я читал, а потом бросил книжку и уснул.

Проснулся от разговора, доносящегося из-за забора. Повернул голову, и (вот совпадение!) увидел на уровне глаз здоровенную щель, кокетливо прикрытую какими-то сорняка-

ми. Если не приглядываться, то щели и не увидишь, а вот что там, у соседей, видно прекрасно.

Увидел я, что у соседей, за забором оборудован такой же уютный уголок для одиночного отдыха: старый диван, с откинутой за ненадобность брезентовой покрывашкой от дождя, столик и небольшая скамеечка. На диване, застеленном простынёй, раздвинув ноги, лежит обнажённая красивая молодая женщина, а к ней пристраивается её муж, одутловатый, обрюзглый, и лет на двадцать старше. Ага! Это соседские гости решили немного пообщаться наедине.

Хм... А женщина-то не выглядит ни счастливой, ни просто довольной, и есть от чего: детородный орган её супруга довольно... гм... невелик. Собственно, он напоминает большой гороховый стручок, сантиметров семи в длину и полутора – в окружности. Печально. В смысле, как бывшая женщина (ничего себе каламбурчик, а?) очень сочувствую дамочке. У нас с Бобриком в этом отношении было идеальное совпадение: я обладала несколько крупной... хм... ну вы поняли о чём я, зато и у Бобрика размеры были сильно больше обычных, настолько, что и для меня он был крупноват. Но со временем всё совпало идеально. У тут смотрю, и слёзы на глазах: брюхатый козёл кое-как вставил, ровно двенадцать раз дёрнулся, да и отвалился, повесив на бедре несчастной дамочки коротенькую соплю.

Отвалился сексуальный маньяк в сторону, минутку полежал, а потом что-то буркнул, поддёрнул штаны, да и учесал

по своим козлиным делишкам.

Я лежу, молчу и тихонько радуюсь. Есть мне от чего радоваться: очень я опасался (или опасалась? – я сильно путаюсь в своей личности, с тех пор как живу в этом теле), что меня будут привлекать и возбуждать мальчики и мужчины. А вот фигушки! Меня даже Ленуська, сестрёнка неродная волнует, особенно когда, наплевав на моё присутствие, начинает переодеваться. Но с Ленуськой всё просто: надавал ей щелбанов, чтобы не забывалась, да и дело с концом. А на репетициях постоянно общаюсь с Ириной Сергеевной. Тут тоже тяжкая судьбина: одевается она, по летнему времени в лёгкие блузки и юбочки, или ещё более лёгкие платья. А под невесомой одеждой только тончайшие трусики да полупрозрачный лифчик. И обсуждая какие-нибудь вопросы, она садится рядышком, едва не касаясь моих коленей своими, а когда наклоняется... В общем, это ужасно нелегко. Словом, гормоны во мне бушуют и настойчиво требуют выхода, тем более что я знаю, насколько это приятно.

Девчонки из ВИА, чувствуя что-то, повадились демонстрировать то груди, то коленки. Разумеется, всё это неумело, по-детски, почти неосознанно, но, чёрт побери, с таким чувством!!! Парни ещё чуть-чуть и начнут хмуриться, глядя на это безобразие.

– Эй, ты! – донёсся до меня гневный шёпот – Хватит подглядывать, иди сюда!

– Это вы мне?

– Тебе, тебе! Давай сюда, и быстро!

Да... Припекло дамочку, очень её понимаю. Ну, раз зовёт, пойду. Здесь в заборе сделан лаз, Бобрик мне его показывал, когда привозил в гости, знакомить с родителями и прочей роднёй. Лаз давнишний, ещё от прежних хозяев дома остался. Подхватываю трусы, вешаю их... ну вы поняли на что, и, опираясь на костыли, иду навстречу приключению. Преодолев забор, оглядываюсь: а здесь уютненько, и относительно безопасно: кругом кусты, и до дома метров десять.

– Ну-каними свою тряпку! – командует женщина.

Подчиняюсь, а сам жадно рассматриваю лежащую передо мной красавицу. Чёрт подери, а ведь до чего аппетитная фемина!

– А ты совсем немаленький! – задыхающимся голосом говорит женщина – Иди ко мне, скорее!

Делаю два шага вперёд, нависаю над женским телом, вцепляюсь в её губы поцелуем и...

– Ах! Ах! Ах!

А женщина-то вовсе и не женщина. В смысле, женщиной её сделал я. Только что. Ну что тут остаётся! Включаю все свои умения, всё-таки женская физиология мне совсем не чужда, и начинаю ласкать прекрасное нежное тело. Умения не пропали, старания принесли успех: женщину сотрясает волна наслаждения. Первая, вторая, третья... Тут к финалу приближаюсь и я. Хотел отстраниться, но прекрасная партнёрша не даёт того сделать: обхватив меня руками и ногами,

она буквально вжимает моё тело в своё, и через короткое время нас накрывает совместный оргазм.

Чёрт подери! До такого результата мы с Бобриком шли долгие два года, но и то сказать, как я, так и Бобрик были совершенно неопытными. А тут... А что тут... Тут сказался мой опыт. Как говорится, опыт и мастерство не пропьёшь.

– Я тебя люблю, мой мальчик! Как тебя зовут?

Хм... Случайный секс – хороший повод для знакомства. Это говорит во мне циничное эго из будущего.

– Юрий. А тебя?

– Елизавета. Лиза.

Чёрт! А тут попахивает двойным плагиатом: мало того, что сейчас обворую Губина, так ещё и хорошего автора попаданческого романа из будущего. Широко улыбаюсь.

– Мы ещё увидимся?

– Непременно. Только сейчас убегай к себе, Юрочка, а то, застигнут нас, нехорошо выйдет.

– Хорошо.

– В следующий раз я сама к тебе приду. Не надо тебе с больной ногой рисковать.

Какой там уходить? Руки сами потянулись к женщине, наши губы нашли друг друга, и вихрь сладострастия снова накрыл нас. Мне опять пришлось закрывать рот Лизы, где поцелуем, а где и рукой – дамочка совершенно не может себя контролировать.

Только мы оторвались друг от друга, как от соседского

дома послышался шум: кто-то идёт. Подхватываю свои костыли, и мчусь к лазу в заборе. Сквозь сдвигающиеся доски вслед за мной успели пролететь ещё и мои трусы. Успели, хвала аллаху, салам Будде. Отползаю на свою кровать и падаю брюхом кверху: мой труп не кантовать, при пожаре выносить первым, и вообще, не будить до лета!

Хорошо-то как!

Забываюсь блаженным сном...

ПГТ Троебратский, 09.00. 01.09.1970 года, вторник.

Двор школы быстро заполняется. Первыми в школу пришли учителя и суетятся внутри, в классах, устраняя последние действительные или мнимые недостатки. А во дворе кучками толпятся школьники: робкие младшеклассники, многие с родителями, суетливые ученики средней школы и солидные старшеклассники. Все нарядные, наглаженные. Мальчики в костюмах, девочки в форменных чёрных или коричневых платьях и белоснежных передниках. Почти все со значками: комсомольскими у старшеклассников, пионерскими и октябрятскими у младших. Кое-кто без галстуков и без значков: это хулиганы, двоечники и второгодники. Не самые приятные существа, они существуют в некой зоне отчуждения: с ними остальные школьники разговаривают, шутят, но держатся несколько отстранённо.

Я вместе с другими участниками ВИА пришёл пораньше, чтобы подготовиться к выступлению. Место нам определили на крыльце, с правой стороны. Здесь двери закрыты, все ходят через левые двери. Ребята ужасно волнуются, всё-таки первое выступление. Ещё сильнее волнуется Ирина Сергеевна, одному мне всё поровну, вот и беру на себя функцию успокоителя.

– Ребята, признавайтесь, кто забыл слова?

– Не забыли... Никто... – слышатся растерянные голоса.

– А мелодии кто забыл? Ну-ка по-честному!

– Да никто не забыл.

– Так чего вы волнуетесь, а, братцы-кролики? Неужели вы испугались своих одноклассников и мелюзги? Мы перед самим директором не струсил, что нам всякая мелочь?

Ребята запереглядывались, заулыбались. Это хорошо. Ступор прошел. Ирина Сергеевна тоже повеселела, ожила, вспомнила о своих обязанностях.

– Кайрат, ты проверил электричество?

– Конечно, Ирина Сергеевна! Вон на блоке контролька светится.

– Юрий, не забыл порядок исполнения?

– Не забыл, Ирина Сергеевна. У каждого перед глазами тексты и аккорды в том порядке, в каком будем исполнять.

Первым слово предоставили председателю поселкового Совета. Вообще-то он всегда ходил на первое сентября в залининскую школу, но тут явился к нам: хочет послушать наш ВИА. Второй дали слово представительнице РОНО³⁹, неизвестно каким ветром занесённую в нашу железнодорожную школу. Наша школа относится к другому ведомству, к железной дороге, у нас своё начальство, свои проверяющие. А последним слово взял директор. Он кратко поздравил первоклашек, потом всех остальных с Первым Сентября, и пред-

---

³⁹ Районный отдел народного образования.

ставил нас: школьный ВИА «Ария».

Ну, мы и выступили. Четыре песни, которые мы запланировали для выступления, были отрепетированы нами до автоматизма, так что никакое волнение нам не помешало. Разумеется, сорвали бешеные аплодисменты и шквал завистливых взглядов от парней и девчонок из числа амбициозных личностей, и просто восхищённые улыбки и взгляды – от всех остальных.

Далее всё пошло по-прежнему: вдоль рядов прошелся десятиклассник, несущий на плече очаровательную первоклашку, звонящую в колокольчик, и школьники повалили в классы.

Мы остались: надо убирать инструменты, чем мы и занялись. Вернее, занялись все кроме меня: я-то ещё ковыляю с костылями. Управились и с этим, и пошли по своим классам.

Я зашел в свой класс, кабинет истории, и стал искать взглядом куда сесть. Бобрик рассказывал, что он все школьные годы, с первого до последнего дня просидел с Геной, но тут Гена демонстративно отвернулся, а рядом с ним, угрюмо глядя на меня, устроилась Оля Чернышевская. Хе-хе! Совет вам да любовь, недоделки!

Но проблема остаётся: куда бросить мослы? Заняты все парты, впрочем, кое-кто сидит по одному. Ковыляю вдоль ряда на «камчатку», и чувствую, как меня трогают за ладонь.
– Юра, если хочешь, садись со мной.

Смотрю на девочку: худощавая, некрасивая, с двумя тол-

стыми и длинными косами. Смотрит на меня и страшно волнуется: а ну как откажу! Как же тебя зовут, добрая и робкая девочка? А! Вспомнил! Дина Нурпеисова! Бобрик показывал мне её на снимках его класса. Нехорошая у неё была судьба в той жизни: муж попался пьющий, промучилась она с ним лет десять, пока тот не отравился какой-то политурой. Второй муж, с которым она прожила ещё десять лет, бросил её с двумя детьми, и ушел к начальнице своей фирмы, в сволочные девяностые годы.

– Спасибо, Дина, с удовольствием.

На нас косятся. Классные красавицы особенно: почему я сел не к ним, а к этой замухрышке? Да ну вас, красотки! Попросись я к вам, будете носом крутить, уговаривай ещё вас! А Дину я ещё сделаю красавицей, что я, зря, в той жизни, целый год ходила на курсы визажистов? Вот тогда и побеситесь!

Откидываю крышку парты сажусь. Здесь ещё стоят классические парты Эрисмана, совмещённый стол и скамейка. Столешница наклонная, с откидными крышками, чтобы было удобно садиться, а на верху крышки парты углубление под чернильницу, куда Дина уже поставила свою непроливайку. И простенькое перо выложила. Мне-то непроливайка не нужна: у меня четыре автоматические чернильные ручки, одна из которых с золотым пером – подарки от отчима, Бориса Ивановича и заводчан, которые будут производить наши костыли и прочую ортопедическую продукцию.

– Слушай, Юра, вы так здорово пели! – шепчет девочка. У Дины любопытная особенность: когда она говорит, то исподлобья смотрит собеседнику прямо в глаза.

– Если хочешь, тоже можешь поучаствовать.

Девочка ахнула и задрожала

– Хочу! – решительно шепчет она – Только я ничего не умею!

– Не страшно. Научу.

Говорим мы негромко, Дина вообще шёпотом, но все в классе вдруг затихают, и поворачиваются в нашу сторону. Мдя... Начинаются проблемы с популярностью.

Неловкую ситуацию прервала классная руководительница, вошедшая в класс. Она поздравила нас с началом учебного года, продиктовала расписание уроков на первую неделю и провела первый урок, из тех, которые впоследствии будут называться уроками мира. Вторым уроком была математика, а после третьего, литературы, нас распустили по домам. На переменах я никуда не выходил, сидел за партой и читал принесённый с собой сборник стихов Марины Цветаевой. Дина, хоть и поднималась, из класса не выходила, и вообще, дальше трёх метров не отдалялась. Забавно!

Наконец звонок, и разрешение расходиться.

– Ну что? – спросил я Дину, поднимаясь из-за парты – не передумала вступить в группу?

– Не передумала. Только я не умею петь. Вернее, петь я люблю, но голос у меня очень тихий.

И тут я вспомнил, что Дина в нулевых годах за свой счёт издала два сборника стихов, причём стихотворения шли вперемешку по-русски и по-казахски. Бобрик очень хвалил её стихи, да и мне они понравились. Интересно, пишет ли она сейчас? Впрочем, есть только один способ проверить:

– Слышал, что ты пишешь неплохие стихи? – ляпнул я наугад.

Дина покраснела как пожарный гидрант.

– Кто тебе это сказал?

– Я и не помню кто, но помню, что очень хвалили.

– И что из этого следует?

– Понимаешь, Дина, нам нужен свой штатный поэт. Я готов поставлять мелодии, и на эти мелодии нужно писать тексты.

– Ну и как ты себе это представляешь?

– Очень просто: я сочиняю музыку, а ты на эту музыку накладываешь свои слова. Тут нужно понимать, что высокого искусства от тебя не требуется, как и высокой поэзии. Чем примитивнее текст, тем он доходчивее.

– Ты преувеличиваешь!

– Ну, разве что самую малость. Согласна?

– Конечно же, согласна!

– Тогда пойдём в актовый зал, я тебя представлю ребятам.

Разворачиваюсь, направляясь к нашей репетиционной базе, но Дина удерживает меня за руку:

– Юра, скажи честно, зачем ты меня зовёшь с собой? Раз-

ве ты не понимаешь, что для меня это совсем не игрушки? Да, я пойду с тобой куда скажешь, с делаю ради тебя всё что угодно потому, что я... Неужели ты этого не видишь?

– Поясни свою мысль, Дина.

– Когда ты согласился со мной сесть, я думала, что умру от счастья. А когда ты предложил быть рядом с тобой, то и умерла. Я до сих пор как в раю, Юрочка. Я как тебя увидела, когда ты перешёл в нашу школу, ещё тогда, в первом классе, так и влюбилась, а ты всё смотрел на этих смазливых и злых дурочек. Это несправедливо. Вот.

– Дина, славная ты моя девочка! Извини, но я тебя не люблю. В этом вопросе врать нельзя, поэтому говорю тебе чистую правду. Изменится ли к тебе отношение в будущем – не знаю, поэтому не нужно напрасных надежд, уж прости. Почему я тебя позвал? Всё просто: ты хороший, надёжный товарищ, на тебя всегда можно положиться, и я надеюсь, что мы с тобой сработаемся.

Уж не знаю, что я такого сказал, но лицо Дины озарилось такой радостью, что мне стало нехорошо: у девочки явно появился новый смысл жизни. Она стояла передо мной, задрав голову, поскольку на полторы головы ниже меня, и чёрные её очи сияли таким нестерпимым светом, что становилось страшно.

– Хорошо, Юра.

– Ну, тогда пошли.

Пока я на костылях ковылял до актового зала, Дина шла

рядышком со мной.

– Слушай, Юра, а где ты купил себе такой рюкзак?

Рюкзак у меня шикарный, сшит по типу городских рюкзаков для коротких прогулок. Объём рюкзака около десяти литров, он имеет несколько отделений, и закрывается на пока дефицитные молнии. Длинных молний в продаже ещё нет, поэтому на каждый клапан установлено по две коротких. Карabiны, трезубые застёжки и прочие разьёмы, которые там, в будущем, изготавливают штамповкой из пластмассы, здесь пришлось делать металлическими, причём сразу во многих экземплярах: отчим, Борис Иванович и Давид Исаакович тут же захотели и себе такие же рюкзаки, ибо это очень удобная вещь. Тут же свою долю потребовала и Ленуська, но я ей сшил рюкзачок попроще, но одновременно и самый оригинальный по нынешнему времени, в виде медвежонка. Ленуська теперь даже спит со своим рюкзаком, до того он ей нравится.

– Сам сшил. Если хочешь, могу дать тебе выкройки, сошьёшь.

– У нас нет швейной машинки, да и не умею я на ней работать.

– Ничего страшного, Дина, примерно к зиме, может ближе к весне, швейный цех при АТЭП будет шить рюкзаки, и я тебе достану такой же.

– Спасибо! – расцвела Дина.

Группа сидела на сцене какая-то пришибленная. Только мы с Диной вошли, как ребята с невнятными криками бросились навстречу:

– Юра, знаешь, во что мы вляпались? – громче всех заорал Кайрат.

– Не думаю, что во что-то страшное. – спокойно отвечаю – А где Ирина Сергеевна?

– Она у директора. А ты знаешь, что мы едем на областной конкурс?

– Ничего себе! Откуда областной, когда районного ещё не объявляли? И вообще, при чём тут район, у нас ведомственная школа, у нас руководство в Целинограде?

– Тихо, ребята! Я сам всё объясню! – гаркнул Кайрат, и уже спокойным голосом принялся объяснять – Тётка из РО-НО, когда нас услышала, сразу сказала директору, что таких ВИА даже в Ленинском⁴⁰ нет, не то, что по совхозам. И что мы сможем достойно представить район на областном конкурсе самодеятельности, а может и в республике. Понял?

– Ну и прекрасно! Не я ли вам говорил, что группу мы создаём именно ради этого? Говорил?

– Говорил. Но кто же знал, что всё так и произойдёт, да ещё с первого выступления?

– Что с первого, даже я не догадывался. – признаю очевидное – А вот что насчёт всего остального, то получите и

---

⁴⁰ Ленинское – районный центр в Кустанайской области.

распишитель.

– Здорово! Это получается, мы будем отдыхать от школы, пока будем кататься на конкурсы?

– Нет, Кайратик, тут ты крупно ошибаешься! Предупреждаю тебя и остальных: учиться нужно только на отлично, только в крайнем случае допуская четвёрки. Хорошо, что Геня ушел сам: с его успеваемостью в группе делать нечего.

– Что, и меня выгонишь? – тут же напрягся Валера.

– Друг мой, Валера, у тебя, насколько помню, в прошлом году была только одна четвёрка, по труду. Неужели ты допустишь снижения своих показателей? Надеюсь... Да что там! Я уверен, что этого не произойдёт. С уроками труда мы тебе поможем, а самое главное, в этом году мы начнём изучение автомобиля, так что тебе стыдно будет не знать его на отлично. Кайрат, тебе нужно подтянуть химию, биологию и алгебру. Не волнуйся: тебе тоже надо подниматься не с троек, а вовсе даже с четвёрок. А мы все тебе поможем, правда, ребята?

Ребята одобрительно загудели.

– А теперь представлю ещё одного участника нашей группы, вы её прекрасно знаете, Дина Нурпеисова.

– Она же не поёт и не играет! – подала голос Фая.

– Я знаю. Зато Дина пишет прекрасные стихи, в том числе и на казахском языке. Кроме того, Дина будет у нас конференсье, и возможно, будет читать со сцены юмористические монологи.

***

Поздно вечером к нам забежала медсестра, Алла Игоревна.

— Юра, сегодня, около семи часов вечера, помер Валера Иваниенко.

— Ну, как говорится, царство ему небесное.

— Валера, как его привезли, всё молчал, только когда терял сознание, то стонал. Под конец начал бредить, поминал тебя. Всё просил помянуть его душу.

— Что он ещё говорил?

— Да ничего. Только несколько раз повторил, что у настоящих комсомольцев бог в душе. Странно, правда?

— Наверное. Я-то в бога не верую, но Валера, похоже, был верующим.

— Только Юра, ты это, никому о том не говори. Борис Иванович строго наказал и мне и Стеше, нашей санитарке помалкивать, и даже милиции ничего не говорить, дескать, это врачебная тайна. Нам-то что, помолчим, не первый раз.

— Договорились, помолчу и я. А хоронить когда будут?

— Вот тут дело странное, Юра. Так-то Валера жил бобылём и нелюдимом, а тут появился молодой парень, из этих, из тюремщиков, весь в наколках, даже на шее. Говорит, что сын Валерки, только вишь ты, отчество-то у него совсем другое, не Валерьевич!

— Так чего он хочет, тюремщик этот?

– Всё допытывается, с кем дружил Валерка, да с кем разговоры разговаривал.

– Понятно. Что-то тут мутное, нехорошее.

– И Борис Иванович так говорит. Уж как он радуется, что ты с Валеркой даже словом не перемолвился, просто страсть как радуется!

– А как бы я с ним поговорил, когда он всю дорогу молчал, да вокруг люди. То врач, то медсёстры, то санитарки. Всё время на глазах.

– Ага! Вот и я, то же самое говорю.

***

Красивые ворота у нашего автопредприятия: проём высотой метров пять или даже семь, сами ворота состоят из двух секций и открываются при помощи электромоторов, отъезжая в стороны. А наверху, на сетчатом фоне из трубок малого сечения сварено изображение грузового автомобиля: новейшего на тот момент ЗиЛ-130. Под грузовиком, во всю ширину ворот надпись, тоже сваренная из искусно согнутых трубок: «Троебратское автомобильно-транспортное эксплуатационное предприятие»

Но мне в ворота не надо, я поворачиваю направо, туда, где стоит небольшой клуб автопредприятия, мне за него, к зданию, в котором отныне работает швейный цех.

Дверь швейного цеха огромная. На стальном каркасе в два слоя еловые доски, а между ними утеплитель. Сверху, с обо-

их сторон, ещё слой утеплителя покрытого дерматином. Но дверь открывается неожиданно легко и плавно – её вывешивал лично мой папа, а он большой умелец по части строительства. Большая дверь здесь нужна чтобы при необходимости заносить новое оборудование, а оно в швейном цеху довольно громоздкое: одни раскройные столы чего стоят. Оно конечно, можно поставить и стол с составной столешницей, но цельная удобнее в работе, я это знаю не понаслышке.

За дверью открывается цех: просторный, светлый, с высокими потолками. Высокие потолки – это уже моя заслуга: изначально потолки здесь были обычные, что-то около трёх метров, и когда мы осматривали здание, я тогда сразу сказал отцу и Давиду Иосифовичу:

– Так не годится, мужики! В цеху будет работать много людей, от ткани идёт пыль, частички ниток. В таких условиях немудрено доиграться до туберкулеза.

– Спаси милиция! – замахал на меня руками отец – А что ты предлагаешь делать?

– Нужно увеличивать высоту потолка и ставить хорошую вентиляцию.

– Вентиляция не проблема, закажем в Кустанае, специалисты приедут и соберут всё что нужно, а если хорошо попросим, то сделают в кратчайшие сроки. Но как поднимать потолок? Если сносить крышу и надстраивать, то до зимы мы не успеем. – солидно покивал Осетинский

– Верно! – поддержал инженера начальник цеха, в смысле

Давида Иосифовича поддержал Владимир Алексеевич – Что уже придумал, Юра?

– Не нужно ломать крышу. – успокаиваю я – Смотрите: здание на высоком, чуть ли не два метра, цоколе. Убираем пол, вот вам и добавка к высоте потолка.

– Тоже верно! – воспрял Давид Иосифович – тем более что для оборудования нужно бетонное основание, а его лучше лить не на перекрытие, а на подушку.

– А что, мы тогда по периметру уложим теплоизоляцию, чтобы не было мостика холода, и пол не был холодным. – добавил отец – И окна прорубим вниз, в цеху станет ещё светлее.

– Папа, только сразу ставьте стеклопакеты.

– Это само-собой, сынок. Хотя на столяров придётся надавить, да и уплотнительную резину добывать придётся самим. Ну да ладно, резину достанем через авиаторов.

Чуть больше месяца, и строители довели здание до рабочего состояния. Двери навешивал отец лично, а я был на подхвате. Хорошо, что в Оптовой базе имелся подъёмник-штабелёр, при помощи которого мы и передвигали эту неподъёмную дуру, точнее две: ещё одна дверь на выходе. Зато получилось просто замечательно: цех получился не только тёплым, светлым и просторным, но и очень удобным и уютным. Ещё бы! Я пятнадцать лет отработала начальником цеха, и хотя производство было совсем другим, общие принципы управления известны и очень помогают сейчас. Впрочем, все

свои знания я облакаю в оболочку советов и рекомендаций, и выдаю их лишь по прямой просьбе, как сейчас, или строго наедине: нельзя даже в малейшей степени покушаться на авторитет официального руководителя. Что до моих советов озвученных по просьбе, то как раз они повышают папин авторитет: все видят какой у него умный сын.

А кто воспитал такого сына? – Вот то-то!

Установка оборудования, расстановка столов, стеллажей, и прочей необходимой в работе мебели тоже не обошлась без моего участия, а вернее прошла по моим планам. Отец пока что неуверенно руководил, а всё свободное время посвятил учёбе. Ему привезли комплект учебников швейного техникума, и теперь он буквально проглатывал один за другим, в чём ему старательно помогала мама.

Потом цех выдал первую продукцию: восемьсот тридцать комплектов джинсовой спецовки для всех без исключения сотрудников АТЭП. Ещё восемьсот тридцать комплектов были пошиты из диагонали, по сему поводу было устроено торжественное мероприятие: все водители, не находящиеся в дальних командировках, получили по своему комплекту спецовки, переоделись и выстроились на главной площадке, на фоне чисто отдраенных машин. Рядом, держа равнение, стояли автомеханики, слесаря, наладчики, вулканизаторщики и прочий обслуживающие персонал АТЭП. А на правом фланге – управление автопредприятия, тоже в новой нарядной спецовке. Все были очень довольны новой формой, та-

кой модной, красивой и удобной.

Директор, как положено в таких случаях, сказал речь, после него выступил парторг и приехавший из района деятель. Всё это снимали на свои фотоаппараты корреспонденты районной и областной газеты, а также репортёр из журнала «Зарулём», и мужики уже предвкушали, как они будут хвастаться перед знакомыми своей фотографией во всесоюзном журнале.

Собственно управление цехом отцу далось легко: всё-таки он офицер милиции, привык работать с личным составом и с населением. Мгновенно образовалось множество полезных знакомых во всех организациях посёлка и в округе. Оно и понятно: для цеха нужно много всего – материалы, инструменты, различные приспособления или фурнитура. Что-то можно добыть в Кургане, что-то в Кустанае или Целинограде, а что-то и в более отдалённых местах. Швейные машины у нас аж из Иванова, а бестеневые лампы для освещения цеха – из Ленинграда. Что до меня, то я частенько мотался по различным конторам по поручению отца. Очень скоро взрослые и начальственные дяди и тётки стали со мной здороваться при встрече, некоторые даже за руку, и через меня решать различные вопросы. Я тоже потихоньку-полегоньку стал пользоваться своим положением и заказывать в разных местах нужную фурнитуру.

В мехмастерских депо оказался пресс, а в инструментальном цеху специалист по пресс-формам. Как только я это

узнал, мехмастерские получили заказ на пряжку для ремня и бляшку на лейбл джинсов. Я притащил мастеру иллюстрацию из книги про Чингисхана, и попросил перенести изображение на металл.

– Сделать-то я сделаю, не вопрос. – сказал мне инструментальщик – Только тово... Чингисхан он же был завоеватель, нет? Не возникнет лишних вопросов?

– Дядя Лёша, зато он был наш человек. – авторитетно отвечаю я – Чингисхан родился в Забайкалье, в Ононском бору. А как вырос, объединил всю Монголию и вообще всю Великую степь. Вы же знаете, как казахи уважают потомков Чингисхана.

– Это верно! – оживился – У нас парторг, Муса Азимович, как раз их чингизидов⁴¹, спросим-ка его.

Вызванный для совета парторг почесал голову:

– Сложная проблема, однако. С одной стороны Чингисхан действительно наш герой.

– Ага! – поддакнул я – Великий просветитель Чокан Валиханов гордился тем, что он чингизид.

– А с другой стороны в учебнике истории о Чингисхане сказано не очень хорошо.

– Ну так поднимите вопрос, Муса Азимович! С таким вопросом и в ЦК компартии Казахстана не стыдно выйти. У нас многие народы чтят эту историческую личность.

Запрос в ЦК ушел, вопрос обещали рассмотреть в течение

---

⁴¹ Чингизид – прямой потомок Чингисхана.

года, а бляшки разрешили штамповать прямо сейчас. Как шепнули парторгу, разрешение дал сам Динмухаммед Ахмедович Кунаев.

В общем, вскоре в магазинах появились джинсы фирмы «Чингисхан». На ремне, что шел в комплекте и на круглой бляшке, укрепленной на лейбле имелось изображение великого завоевателя и миротворца, а вокруг надпись на русском, казахском и монгольском языке: «Тэмуджин-Чингисхан – Потрясатель Вселенной». А наша группа выдала песню «Чингисхан»⁴² на русском и казахском языках. Музыку предоставил я, а вот слов, кроме «Чин-Чин-Чингисхан!» я не помню, поэтому текст полностью написала Дина. Уж не знаю насколько он близок к оригиналу, поскольку с переводом не знаком. А так да. Песня получилась заводная, мгновенно набрала популярность. На танцах её крутили весьма часто.

– О! Юра пришёл! – радостно завопила Жанна Терещенко
– Ты нам споёшь, Юрочка?

– Только тем, кто выполнил мою просьбу! – по-голливудски обнажаю я все свои тридцать два зубы.

– Ха-ха-ха – покатывается со смеху Наташа Белобородова, заклятая подруга Жанны – Жанка, ты отродясь не выполняла обещания!

– Зато я красивше некоторых! – не остаётся в долгу Жан-

---

⁴² Автор музыки – Ральф Зигель.

ка.

– Не ссорьтесь девушки. – говорю я примиряющим тоном
– Я вам спою, но не сегодня. Сегодня я по делу: надо помочь папе.

– Ну тогда ладно. – сдаёт назад Жанка.

Отца она побаивается. Батя при всём своём демократизме держит коллектив в ежовых рукавицах, впрочем, с женщинами иначе нельзя.

В это время отец высовывается из кабинета:

– Что за шум?

– Па, это я пришёл, принёс чертежи рубашки, куртки и сарафана.

– Ну заходи. – отец посторонился в дверях, чтобы я прошёл со своими костылями и большой папкой, а сам повернулся к Жанке:

– Жанна, позови Александра Пахомовича. Скажи, что Юра принёс новые модели.

– Счас он примчится!

Действительно, спустя три минуты раздаётся стук костылей и в дверях появляется закройщик.

– Здорово, Юрок!

– Здравствуйте, Александр Пахомович!

– Вот какой ты уважительный парень. Молодец! И умница к тому же. Вот хожу с твоими костылями, нарадоваться не могу, до чего они способные!

Закройщик дядя Шурик инвалид: на войне он потерял но-

гу. Раньше он пользовался обычными костылями, а теперь я ему преподнёс костыли с локтевыми упорами, и фронтовику стало удобнее. Он и раньше относился ко мне очень тепло, а теперь почитает едва ли не сыном. Но и требования ко мне повысились: дядя Шурик человек старой, сталинской закалки и считает, что если человек справляется с делом, то нужно ему ещё добавить нагрузки.

– С моей новой ногой дело не продвинулось? – интересуется он.

– Придётся подождать, Александр Пахомович. Дядя Егор обещал прислать титановые трубки, но пока не прислал. А со стальной трубкой протез будет тяжеловат. И так суставы стальные...

– Понимаю, Юрок. Ладно. Зачем позвали? – поворачивается он к отцу.

Отец отрывается от папки с чертежами:

– А вот присаживайся, Александр Пахомович, да посмотри что нам предлагают наши художники.

– Что, Ленуська тоже участвовала?

– Куда же без Ленуськи?

– Ну тогда я спокоен: будет красиво, удобно и нетрудно в производстве.

– Ты считаешь? – поднимает бровь отец.

– Ляксеич, я тебе сто раз говорил, что у Ленуськи самый настоящий талант. Девочке надо учиться. Посылай её в швейный институт, пусть учится на модельера! Грех такой

талант зарывать в землю.

– Ты, Пахомович, не суетись. У Ленуськи своя голова на плечах, и голова эта светлая. Куда она поступит, туда и поступит. Мы с Таисией дадим ей советы, как же без этого, но решать Ленуська будет сама.

– Это верно, Ляксеич, но больно редкостный талант у девочки. Не поверишь, даже мне завидно. Не, не завидно, а хочется посмотреть во что Ленуська вырастет.

– Это я понимаю. А за модели-то берёшься?

– Ясно море, берусь! Вот только я тебе Ляксеич сразу говорю, как начальнику, ты думай головой и не смей обижаться.

– Чего удумал, Пахомович?

– А того удумал. Смотри: у нас в производстве стоят четыре комплекта спецодежды: летний и зимний, и из джинсы и диагонали. Линейку размеров мы соблюдаем. Так?

– Так.

– Теперь смотри дальше: аляски, многослойные куртки, рюкзаки, джинсы «Чингисхан».

– Есть такое.

– Швей у нас уже двадцать пять, а отгрузка товара расписана на полгода. Так?

– Так. Да к чему ты это, Пахомович?

– К тому, Ляксеич, что пора открывать второй цех. Ищи хорошего закройщика, поскольку я и в этом цеху едва успеваю. Правда, если Юрок, как обещал сделает протез, я ещё

пошебуршусь, но это ненадолго, годочков пять, много если семь, и амба.

Отчим внимательно посмотрел на дядю Шурика и помолчал. Да. Настоящие они мужики: без соплей и лишних слов планируют всё, даже собственную смерть.

– Я тебя слышал, Александр Пахомович. Насчёт расширения мысль правильная, но сам понимаешь, ещё рано: мы только-только открылись. Но закройщиков нужно обучать, тут ты прав. Приходили ко мне двое, мальчик и девочка, он после техникума, она после института, я с ними хорошо поговорил. Я планирую провести их по всем стадиям производства, чтобы выросла хорошая смена для нас, стариков. Присылать к тебе?

– Присылай, Ляксеич, обучу.

ПГТ Троебратский, 11.35.

06.09.1970 года, воскресенье.

Сегодня хороним Валерку Иваниенко. Провожающие собрались во дворе больницы, сюда же подъехали две грузовые машины: одна для перевозки гроба, а другая, с установленными лавками, для живых. Четверо местных алкашей, подряженных в могильщики, вынесли из морга гроб с покойным, и установили на две табуретки. Проводить Валерку в последний путь пришло всего пятеро: мрачноватый парень уголовного вида, с наколками на кистях рук и на шее, испитого вида баба, неопределённого возраста, небольшого роста круглый поп, с рыжими кудрями и с густо заросшими рыжей шерстью руками. На переносице у попа виднелся шрам. Кроме них были я и отчим, он же водитель одного из грузовиков. Второй водила не вылез из кабины, и теперь дымил папиросой, отвернувшись в сторону.

— Кто-то что-то хочет сказать? — хмуро спросил отчим у немногочисленных присутствующих. С полминуты все молчали, в том числе и «сын» Валерки. Потом, словно очнувшись, вперёд выступил поп:

— Раба божьего Валерия следует проводить молитвой.

Присутствующие заскучали, а поп начал размахивать дымящей начищенной серебряной диковиной и затянул молит-

ву. Я, чисто на всякий случай, как и просил Валерка, скрестил на ногах пальцы. Стоять стало неудобно, но раз обещал, потерплю. Ещё немного подумал, сунул руку в карман и взялся за член. Стало смешно, и давящее ощущение от молитвы исчезло. Посмотрел на отчима, и мне стало нехорошо. Отчим замороженным взглядом следил за серебристой железякой в руках попа, а лицо его сделалось каким-то отрешённым. Так-так-так! А ведь Валерка, царствие ему небесное, предупреждал не зря! Мелко-мелко переступая, приближаюсь к отчиму, и безжалостно давлю ему каблуком на пальцы ноги. Отчим слегка дёргается и сонным голосом шепчет:

– Юра, сынок, ты чего? Видишь, люди молятся, не мешай, грех это!

– Папа – шепчу я ему злым голосом – немедленно сунь руку в карман и возьми за член, а не то проклятый поп тебя заморозит!

Отчим ошарашено оглядывается на меня, и, помедлив, сунет руку в карман. Спустя мгновение он давит усмешку и шепчет:

– Спасибо, сын, ты мне снова очень помог!

А поп тем временем продолжает свои камлания. Молодой урка и его баба заморожено следят за ним, у бабы из угла рта потянулась тонкая нитка слюны.

– Страх-то какой! – шепчет отчим – Неужели я так же стоял? Как истукан безмозглый...

– Поп-то явный гипнотизёр, папа. И очень сильный гип-

нотизёр. Постарайся ему наедине не попадаться – заворочит в одно мгновение!

– Откуда знаешь?

– Предупредили.

– Валерка?

– Так уж получилось.

– Так вот оно что! Ладно, всё понял. Эвона кто по душу моего сына наповадил... Учту. – едва слышно пробормотал он, но я его словам не придал значения.

Молитва закончилась алкаши погрузили гроб в кузов грузовика, и полезли в кузов машины отчима. Остальные полезли туда же, только я полез в кабину. Правда, поп сунулся, было туда же, но, поймав хмурый взгляд отчима, полез в кабину другой машины.

За элеватором, на кладбище, Валерку ждала уже выкопанная могила. Гроб быстренько опустили, присутствующие кинули по горсти земли, после чего алкаши быстренько закидали могилу, получили свою бутылку да по трояку на рыло, и, побросав в кузов отцовского «Мормона» лопаты, весело переговариваясь, учесали в сторону лога, где виднелись кустики. Поминать будут, ага.

– А может ты, раб божий Юрий, хочешь сказать своё слово над прахом раба божьего Валерия? – спросил поп таким медовым голосом, что моя левая рука непроизвольно нырнула в карман и нащупала член. Правой рукой я держал костыль.

– Что тут скажешь, товарищи! С Валерием Иваниенко мы

жили по соседству, но не общались. Всё-таки возраст и интересы у нас сильно разные. Но я не слышал ни от кого дурных слов о нём. Валерий, уж простите, пожалуйста, но не знаю его отчества, был достойный, трудящийся человек. Он много работал. Говорят, Валерий сидел в тюрьме. – при этих словах мнимый сын Иваниенки на меня злобно покосился – Но свою вину, уж какой бы она ни была, он искупил полностью. Так уж получилось, мне довелось вытащить Валерия из горящего дома, но он там уже был без сознания. В больнице он тоже был в бессознательном состоянии. Вот и не довелось мне с ним ни разу пообщаться. Очень жаль, что врачам не удалось сохранить его жизнь, всё-таки он был человек. Земля тебе пухом, Валерий. Покойся с миром.

Я кивнул напоследок, и сделал шаг назад.

– Теперь ты, Олег, скажи своё последнее слово над гробом отца. – в голосе попа послышалась тщательно скрытая издёвка.

– А, это... Ну типа, пусть земля пухом, ёпта⁴³.

***

Вечером у заветной кровати в кустах меня дожидалась Лиза. Все прошедшее время мы встречались ежедневно, по два-три раза, и удивительно, что никто нас так и не заметил. Впрочем, заметить нас трудно: место уединённое, а мы ста-

---

⁴³ Подлинный образчик надгробной речи, услышанный собственными ушами. (примечание автора)

рались быть осторожными.

Встреча, как всегда, началась очень бурно, но страсть мы утолили, и вот отдыхая, лежим на кровати.

– Где ты пропадал сегодня? – спросила меня Лиза – Знаешь, как я тебя ждала?

– Примерно так же, как и вчера. – улыбнулся я, поглаживая рукой её идеальную грудь.

– Да, я тебя и вчера ждала, и завтра буду ждать, и через неделю, и через год... Я начинаю тосковать по тебе уже через секунду после расставания. Я люблю тебя, мой мальчик.

– Извини, но твоё чувство безответно, Лиза.

– Я знаю, но всё равно безмерно тебе благодарна, Юрий. Я наконец стала женщиной. Да, после пяти лет замужества стала женщиной. За эту неделю я получила женского счастья даже больше, чем мне мечталось.

– Спасибо за высокую похвалу, Лиза.

– А ещё я чувствую себя защитницей нравственности.

– Это как? – удивился я.

– Ну, как... Ты такой красивый, страстный и сильный. Тебе, наверное, очень хочется девичьей ласки, а девчонки, я уверена, на тебя просто вешаются: вон какие ты песни сочиняешь! Я вчера слушала, как ты поёшь соседям песню про меня, и чуть не умерла от страха: а ну как догадаются?

– Как ты слушала? Я тебя не видел. Правда, на посиделки собирается уже человек по пятьдесят, если не больше...

– Я из нашего палисадника слушала. Там две сирени, а под

ними скамеечка. Знаешь, как я хотела к тебе? И ревновала: там было десять девчонок, и они все тебя хотят. Но я не дам свершиться плохому!

– Каким образом?

– Всю твою страсть и нежность я приму в себя. Ты же не против?

– Не против, Лиза...

– Ах, какую ты мне красивую песню сочинил!

Лиза шёпотом запела:

Лиза, еще вчера мы были вдвоем,
Еще вчера не знали о том,
Как трудно будет нам с тобой расстаться, Лиза,
И новой встречи ждать день за днем...
Лиза, когда теперь увидимся вновь?
Кто знает, – может, это любовь?
А я еще не смог сказать о самом главном
Тебе всего лишь несколько слов...⁴⁴

Она пела, а из глаз одна за другой катились крупные слезинки.

***

На выходе из кустов меня дожидался отчим.

– Пошли со мной! – хмуро мотнул он головой.

Мы зашли в мастерскую, отчим запер дверь и мрачно

---

⁴⁴ Песня из репертуара Андрея Губина.

спросил:

– Ты это, Юра... С Лизаветой вы давно любитеесь?

– Недавно. Примерно неделю. Откуда ты узнал?

– Катька сказала. Передала, чтобы вы поосторожнее были.

Вроде как, она по-бабьи понимает Лизавету, но как бы вам Лизкиному мужу на глаза не попасть.

Отчим помолчал, и вдруг, с жадным интересом спросил:

– А что, правда, что Лизавета тебе девочкой досталась?

– Правда. Откуда ты знаешь, батя?

– Да Катька и сказала. Пятно на диване осталось, Лизавета его плохо затёрла. Да... век живи – век удивляйся. После пяти лет замужества баба ещё целка, а её муж, как последний тудак её обвиняет, что она ему деток не рожает. А то, что он на двадцать пять лет её старше, он в расчёт не берёт. Каааззззёёёл! – и отчим смачно сплюнул.

– Папа, а что нам делать? Любит она меня. Если расстанемся, боюсь, женщина наделает глупостей.

– Это точно. Помочь – поможем. Мать в курсе. Она первая и заметила. Катька тоже на вашей стороне: сама мучается с неспособным мужем. Тут ведь какая беда: Петро, муж Лизаветы, он в Челябинском КГБ в немалом чине, то ли майор, то ли целый подполковник, а ты тут ему рога на фуражку приладил. – отчим коротко хохотнул.

Я только вздохнул. Ситуация до предела глупая, кругом ненужный риск... А ведь меня к этой несчастной женщине тянет всерьёз, впрочем, не настолько, чтобы предлагать руку

и сердце.

– Ты сам-то сам, случаем, глупостей не наделаешь, сынок?

– Да какие там глупости! Как женщина Лиза меня полностью устраивает, да. Что до возраста... восемь лет разницы, это не запредельно. Но жениться... Батя, я не смогу её содержать. У дамы сформировались дорогие привычки, а ты знаешь, один хороший поход с компанией в ресторан – это не меньше твоей месячной зарплаты. Но ничего, уедет к себе, страсть уляжется.

– Вон как ты по-взрослому! Я и не заметил, как ты стал разумным мужиком. В общем, так: мать хотела с тобой ругаться, но я её отговорил. Бесполезно это, глупо. Всё равно поперёк пойдёте, попадётесь, да и погубит вас Лизкин муж. Ладно. Мы здесь, а Катя там, вас прикроем. Недолго осталось, слава богу, а через месяц Лизавета со своим мерином⁴⁵ уедет, билеты уже куплены. Катька говорила.

На наше с Лизой счастье погода в этом сентябре стояла ясная, сухая, но всё равно листья к концу сентября загорелись разными яркими цветами и стали опадать. Убежище наше превратилось в ненадёжное, просматриваемое с улицы, и последнюю неделю перед отъездом мы встречались в мастерской отчима. Я сделал в мастерской откидной топчан, на который мама втихомолку от меня принесла отличный пружинный матрас и новенький комплект постельного белья.

---

⁴⁵ Мерин – кастрированный конь.

Лиза не замечала этих мелочей, и любила меня со всей силой пробудившейся в ней страсти. Мне казалось, что чем ближе к отъезду, тем сильнее она будет тосковать о будущем расставании, но нет: Лиза цвела всё сильнее. В чём дело, она объяснила последнюю минуту перед последним расставанием, у самого забора:

– Юрочка, – жарко зашептала она – во мне уже растёт частичка тебя. Я почти уверена, что это будет девочка, я так мечтаю о девочке! Ты хочешь, чтобы у нас была девочка, Юра? Пожелай мне девочку, пожалуйста!

– От всего сердца желаю. Пусть будет девочка, такая же прекрасная как ты. Но что будет, если получится мальчик?

– Буду любить его изо всех сил. Это же твоя кровь!

Лиза поцеловала меня, и шагнула в лаз.

Пос. Ленинский, 14.00. 07.11.1970 года, суббота.

Сегодня у нашей группы чрезвычайно важный день: выступление перед районным партийно-хозяйственным активом, на концерте. Нам, несмотря на молодость группы, выделили целых четыре номера, и обязательным номером назначили только песню, посвящённую Революции. Долго мы голову не ломали, и по предложению Ирины Сергеевны, разучили «Левый марш» на немецком и русском языке. Вторую песню попросил исполнить дальний родственник Алексея Максимовича Пешкова, начальник районной милиции. Он подошел к нам вместе с женой, они очень хотели слышать «Галину». Третьей подошла к нам жена начальника РОНО, и робко улыбаясь, попросила исполнить «Я у твоих ног». Ну и последней стала «Мы желаем счастья вам». Этой песней и завершился концерт, чем были страшно недовольны местные звёзды районного масштаба, привыкшие купаться в лучах провинциальной славы.

Зал районного Дом Культуры был переполнен. Люди стояли даже в проходах. Было бы жарко и душно, но по счастью, верхние фрамуги окон были открыты, и прохладный ветер уносил весь жар, что скапливался в зале.

Нас приняли с восторгом: слухи о необыкновенной групп-

пе с замечательным репертуаром, преодолели восемьдесят километров, и достигли районной столицы. Народу нравятся наши песни: мы не несём заумную чушь, мы не пытаемся подражать пустым и занудным битлам вкупе с прочими англосаксами. Песни у нас душевные и наполненные глубоким смыслом, за что нас и полюбили. Справедливости ради надо признать, что и у англосаксов бывают душевные песни со смыслом, но это скорее исключение. Очень редко у них бывают душевные песни: не тот народ.

Единственным минусом для нас оказались бытовые неудобства: гримёрки нам не выделили: три малых гримёрки оказались занятыми местными звёздами, а большая была просто забита прочими участниками концерта. Ирина Сергеевна посмотрела на это безобразие, да и скомандовала ретираду⁴⁶ в гостиницу. В гостинице, в своих номерах, мы спокойно и тщательно привели себя в порядок, накинули поверх концертных костюмов куртки и пальто, и по хрустящему свежему снегу вернулись в ДК. Там мы уселись на принесённых с собой раскладных стульях, спокойно дождались своего выхода, вышли и отыграли. Никакого волнения ребята не испытывали, в чём огромная заслуга Ирины Сергеевны, сумевшей не только великолепно подготовить нас, но и внушить непоколебимую уверенность в наших возможностях.

Я, с некоторых пор, не солирую: у Ленуськи, Фаи, Валерки и Кайрата голоса и сильнее и богаче. Ирина Сергеевна уси-

---

⁴⁶ Ретирада – отступление (устаревший военный термин).

ленно с ними работает, улучшает вокальные данные, и действительно, получается здорово. Нотную грамоту знают уже все, теперь усиленно работаем над тем, чтобы быстро и безошибочно читать с листа, и так же быстро записывать мелодии. До совершенства далеко, да и есть ли в этом мире совершенств? Кроме солистов в группе десять инструменталистов, которые сейчас работают над своей техникой, доводя её до сколь-нибудь пристойной. Ирина Сергеевна тиранила их так, что даже мне, чёрствому и бездушному по натуре человеку, становилось жалко, а ребята плакали, но терпели и учились.

Ну, дай боже вам удачи, ребята.

Сейчас, стоя на сцене районного Дома культуры, я автоматически играл на гитаре, и внимательно вглядывался в лица своих земляков, заполнявших зал. Простые, милые, добрые лица, щедрые на эмоции, открытые, честные. Здесь собраны лучшие люди маленького района огромной страны: и те, кто испокон веку жил здесь, и те, кого занесло в наши края военное лихолетье, и те, кто приехал поднимать целину. Здесь выковался особый тип людей: стойких, трудолюбивых, честных и гордых. Настоящие советские люди! У нас много таких сообществ: Северяне, Бамовцы, Дальневосточники... А передо мной сидят целинники.

Золотой фонд державы!

Золотой фонд, пущенный прахом...

***

На обратной дороге, в автобусе, новеньком ПАЗе, выделенном нам дирекцией АТЭП, я опять достал любимый томик Цветаевой, и погрузился в чтение. Выпал из мира. Очнулся я от прикосновения к плечу, это ко мне пересела Ирина Сергеевна.

– Юрий, я давно хочу с тобой поговорить, ты готов к разговору?

– Да, Ирина Сергеевна, о чём Вы хотите поговорить?

– Это сложно объяснить, Юрий, но мне кажется, что ты находишься в коллективе нашего ВИА, и одновременно вне его. Такое впечатление, что тебе безумно скучно заниматься этим, и занимаешься ты по обязанности. И ребята перестали видеть в тебе ровесника.

Хм... Довольно точное и тонкое наблюдение: я действительно стал стремительно отдаляться от ребят. Мне неинтересны их разговоры, а им скучны мои слишком взрослые рассуждения. Ребята тоже всё меньше стремятся к общению со мной, глядят как на взрослого, практически перестали мне возражать, и вообще относятся ко мне как к человеку, много старше их.

– Да, Ирина Сергеевна, есть такая проблема, но с ней уже не сделать ничего. Так получилось, что я повзрослел, а ребятам это ещё предстоит.

– У тебя появилась женщина? – трагическим шёпотом спросила она.

– Ну что Вы, Ирина Сергеевна! И, кроме того, начало активной половой жизни вовсе не означает взросления. Здесь другие причины, но о них я судить не возьмусь.

Учительница стремительно покраснела.

– А ты стал циничным, Юрий.

– Отнюдь! Просто я точен в формулировках. Я так понимаю, что Вам стало тяжело руководить ВИА в моём присутствии?

– Нет, я бы не сказала так, просто в некоторых ситуациях...

– Я на вас давлю, и Вы принимаете несвойственные Вам решения. Так?

– В общих чертах.

Всё гораздо циничнее, девочка моя! Тебе страшно нравится молодой мужик, что сидит рядом с тобой, и ты его ужасно хочешь. Но это невозможно: советская мораль осуждает такое поведение, и советская мораль абсолютно права, хотя и жестока по отношению к тебе. И ко мне, если уж на то пошло.

– Понял Вас. Могу предложить компромисс: я продолжу поставлять Вам песни, а взамен попрошу Вас продолжить регистрировать их в ВААПе. На репетиции я не хожу, но при необходимости Вы меня вызываете, и я оказываю Вам необходимую помощь.

– Да, так будет лучше. – упавшим голосом сказала Ирина Сергеевна – Но ты, Юра, не перестанешь писать для нас?

Господи, несчастная девочка, да ты не слышишь, что тебе говорят! Ладно, помогу тебе немного, мне нетрудно.

— А хотите, я вам подарю несколько романсов, для Вашего личного репертуара?

— Очень интересно. Что бы ты хотел предложить?

Я достал из сумки сборник стихотворений, который было, убрал, открыл на нужной странице, и протянул Ирине Сергеевне:

— А вот, извольте, стихотворение Марины Цветаевой, «Генералам двенадцатого года». Следите за текстом, а я буду напевать. Учтите, романс женский, и мой голос совершенно не соответствует ему.

И я запел:

Вы, чьи широкие шинели
Напоминали паруса,
Чьи шпоры весело звенели
И голоса.

И чьи глаза, как бриллианты,
На сердце вырезали след —
Очаровательные франты
Минувших лет.⁴⁷

— Великолепно! Знаешь, Юрий, я никак не привыкну к

---

⁴⁷ Слова М. Цветаевой, музыка А. Петров.

несоответствию твоего юного возраста и реальной взрослости. Холодного цинизма и утончённого романтизма.

– Берите выше, Ирина Сергеевна, – ухмыльнулся я – есть ещё несоответствие моего простонародного происхождения и вполне аристократических манер.

– Да, сегодня на банкете ты кушал как британский лорд. Видела я такого на приёме, у нас в консерватории. Почему так, Юрий?

– Просто я советский человек, Ирина Сергеевна. Меня, праправнука крепостного крестьянина, воспитывали свободным и гордым. Меня учили высокопрофессиональные преподаватели, с помощью самых совершенных методик, недоступным плебейм, а то и среднему классу в других странах. Мне с детства внушали хорошие манеры и пичкали образцами высочайшего вкуса. Оглянитесь на ребят, Ирина Сергеевна! Кайрат потомок простого пастуха и сын санитарки, а его манеры ничуть не хуже моих, другой вопрос, что и он и Валерий, потомок поволжского пивовара, сын электрика, немного стесняются на многолюдных собраниях. А дочери простого шофёра и помощника машиниста, выглядят как принцессы крови. Вы не находите?

– Действительно, Юрий, а почему я этого до сих пор не видела?

– Вы выросли в среде интеллигенции, и до приезда сюда, в Троебратное, Вы не общались с русскими, вот и всё.

– Что ты такое говоришь? Интеллигенция тоже состоит из

русских людей!

– Возможно. Но они считают себя выше нас, следовательно, они не мы, не русские.

– И что же делать, Юрий?

– Жить. Работать. Дарить людям своё искусство. Поднимать образовательный и профессиональный уровень мальчиков и девочек, при этом, не позволяя им отрываться от своих корней.

– Ты какой-то железный, Юрий. У тебя какая-то прямолинейная логика, совершенно беспощадная.

– Мы с этого и начали наш разговор: я просто повзрослел.

– Ладно, оставим эту тему. Какой романс ты мне ещё хочешь подарить?

– Откройте страницу с синей закладкой, и следите за текстом.

И я снова запел:

Мне нравится, что вы больны не мной,

Мне нравится, что я больна не вами,

Что никогда тяжелый шар земной

Не уплывет под нашими ногами.

Мне нравится, что можно быть смешной —

Распущенной — и не играть словами,

И не краснеть удушливой волной,

Слегка соприкоснувшись рукавами.⁴⁸

---

⁴⁸ Слова М. Цветаевой, музыка М. Таривердиев.

– Господи, какое чудо!

– Хотите ещё?

– Ты ещё спрашиваешь? Разумеется, хочу!

– Тогда страница с зелёной закладкой.

Снова пою романс, лет тридцать назад написанный Бобриком:

Я тебя отвоюю у всех земель, у всех небес,
Оттого что лес – моя колыбель, и могила – лес,
Оттого что я на земле стою – лишь одной ногой,
Оттого что я тебе спою – как никто другой.⁴⁹

– Юрий, ты явно перерос уровень ВИА. Но пока не будем об этом, пожалуйста, еще романс!

– Извольте! Теперь ищите по оглавлению: «Осыпались листья над Вашей могилой»

Торопливый шорох страниц...

Осыпались листья над Вашей могилой,
И пахнет зимой.
Послушайте, мертвый, послушайте, милый:
Вы всё-таки мой.

Смеетесь! – В блаженной крылатке дорожной!

---

⁴⁹ Слова М. Цветаевой.

Луна высока.

Мой – так, несомненно, и так непреложно,
Как эта рука.⁵⁰

Чёрт возьми, каким талантливым человеком был Бобрик! Только никому его талант оказался не нужен в том, ставшим капиталистическим, будущем. Разве что мне да несколькими сотням его читателей в Самиздате. А песни и романсы на свои стихи, и стихи других поэтов он пел только мне. Да уж... Ни одна попытка пристроить их исполнителям не увенчалась успехом. Хотя нет, несколько песен всё же поют, даром, что под чужим авторством.

Ребята слышали моё пение, и пересели поближе. Пусть слушают, мне не жалко. Поясняю им:

– Я приготовил для Ирины Сергеевны сборник романсов для сольного выступления. Вы поможете ей исполнить?

– Ну, конечно же поможем!

– А ещё есть?

– Ну, конечно же, смотрите по оглавлению: «Откуда такая нежность?»»

Теперь книжку листают в шесть девичьих рук

Откуда такая нежность?

Не первые – эти кудри

Разглаживаю, и губы

---

⁵⁰ Слова М. Цветаевой.

Знавала – темней твоих.

Всходили и гасли звезды,
(Откуда такая нежность?),
Всходили и гасли очи
У самых моих очей.⁵¹

Так я и пою до самого Троебратного. Автобус останавливается у школы, мы выгружаем инструменты и реквизит в гримёрку, и ребята разбежались по домам, хвастаться очередным успехом. Меня Ирина Сергеевна задержала:

– Юрий, поможешь занести эти два чемодана в мою новую квартиру?

– Разумеется.

Автобус подвёз нас к двухквартирному дому, недалеко от больницы, где я недавно лежал, и, шлёпнув дверями, укатил.

– Ну-с, сударыня, показывайте дорогу! – подхватив чемоданы, провозгласил я.

– Следуйте за мной, сударь! – в тон ответила Ирина Сергеевна, и открыла передо мной калитку. Она открыла своим ключом дверь, и мы оказались в небольшой прихожей, откуда открытая дверь вела на кухню.

– Ставь чемоданы здесь. – скомандовала Ирина Сергеевна – Проходи, посмотри какую мне выделили квартиру. Шикарно, правда?

---

⁵¹ Слова М. Цветаевой.

Ну, насчёт шика я бы поспорил. Дом, конечно, новый, кирпичный, сдан недавно. Правда, пол не слишком ровный, его следует довести до ума. Обои на стенах убогие: так сейчас принято: строители клеят обои скорее в качестве основы для более качественной отделки. На потолке лампочка без абажура, рамы в окнах деревянные, не мешало бы их поменять на стеклопакеты. Впрочем, стеклопакеты ещё предстоит изобрести и внедрить на каком-нибудь заводе.

Я заглянул в обе комнаты: действительно, по нынешним временам весьма недурно.

– Отличная квартира, Ирина Сергеевна, я рад за вас. Нам остаётся только довести её до ума.

– Кому «нам»? Почему «нам»? – сдавленным шёпотом спросила она.

– Нам, это вашим друзьям, и в некотором роде коллегам. Если Вы не против, я предлагаю Вам следующий план работ: там, у вас в палисаднике мы копаем яму под сливной бак. Туда будут сливаться нечистоты, а по мере заполнения, машина будет откачивать, и увозить. Бак уже имеется, его надо будет только привезти и опустить в яму. Яму выкопает экскаватор. Второе: во дворе мы пробуриим скважину, чтобы у вас была вода. Третье: определитесь, где вы хотите видеть туалет и душ. Это срочно, желательно определиться прямо сейчас. И последнее: печку мы снесём к чёртовой матери, поставим котёл для водяного отопления.

– Юрий, ты подумал, откуда у меня такие деньги?

– Подумал, Ирина Сергеевна. – весело посмотрю ей в глаза – Это Вы ещё не осознали значения должности, в которой работаете.

– При чём тут моя должность?

– Вам уже предлагали выступить на каких-то праздниках?

– Ну... да.

– Выступление на официальных мероприятиях бесплатны. А свадьбы, а дни рождения? Вот вам и буровая установка, и экскаватор, и унитаз, и метлахская плитка.

– И я должна суетиться, договариваться?

– Не нужно столько отвращения в голосе, Ирина Сергеевна. Договорюсь я. Так уж получилось, что я теперь не последний человек в посёлке: все знают, по чьим моделям работает швейный цех АТЭП. А договариваться надо, да. С соседями. Будет хорошо, если сливной бак будет общий. Это раз. На чердаке мы установим бочку, откуда вода будет самотёком поступать в ваши краны. Это два.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.